„Sozialistischeski Westnik"
„Der sozialistische Bote"
Berlin SW 68, Lindenstr. 3, 4. Hof, V.

Preis M. 1000.–
in Deutschland
(Doppelnummer)

Zentralorgan der Soz-Dem. Arbeiterpartei Russlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Выходит 2 раза в месяц при ближайшем участии Р. АБРАМОВИЧА, Ф. ДАНА и Л. МАРТОВА

№ 5-6 (51-52) | Контора и редакция: Berlin SW68, Lindenstrasse 3, IV. Hof, V. Тел. Dönhoff 51-90 | **16-го марта 1923 г.** | Прием по делам редакции ежедн., кроме субботы, от 1—2 час. | **3-ий г. изд.**

СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая: Четверть века.
Историческая справка.
Р. А.: Европейские коммунисты и Рур.
Д. Далин: Тришкин кафтан.
Э. Милич: Распад (окончание).
С. Двинов: Три дома.
Наблюдатель: Орехово-Зуевщина.
Вл. Кин: На пути к массовой работе.
С. Шварц: Соц.-политич. обозрение. Стачечное движение.
По России: Петроград.— Москва.— Архангельск.— Н.-Новгород.—Ташкент.—Назад из ссылки.—Драма в ссылке.— Очерки губернского города.—Сормово.
Рабочая жизнь: Варинский завод.— На Каширской электр. станции.—На Кубани.—Сормово.—Одесса.
Из Грузии: Массовые расстрелы.
Из Партии: Приветствие П. Б. Аксельроду и Ю. О. Мартову.—„Как приняли Дана в Париже".—Жертвы большевистской охранки.— О профсоюзах.— Партийные издания.
За-границей: Падение.— Настроения рабочих в Америке.
Книги, поступившие в редакцию. — **Кассовый отчет.**
Фельетон: Г. Аронсон: Самоопределение интеллигенции.

Четверть века.

I.

Ровно 25 лет тому назад — 13 марта 1898 года — на немногочисленном с'езде, происходившем в Минске, была основана наша партия.

Идейные основы русской социалдемократии были заложены еще в 1883 году группою «Освобождение Труда», которая, в лице своих духовных вождей (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич), сумела учесть весь опыт русского и европейского рабочего движения и осветить его светом марксизма. Бунтарский политический бакунизм, рассчитывающий на примитивный крестьянский «коммунизм» для непосредственного скачка к социалистическому строю через голову капитализма, явно обанкротился; иллюзии народовольчества, мечтавшего силою героических кучек интеллигенции разрешить проблему завоевания политической свободы, были разбиты; все пути, казалось, были закрыты, и чувство безнадежного отчаяния начало охватывать русских революционеров. Зарождавшаяся социалдемократия, круто порывая со всеми традиционными утопиями и иллюзиями и опираясь на марксистский анализ русской социально-экономической действительности, указала выход из тупика: развивающийся вместе с русским капитализмом русский пролетариат, как носитель социалистической идеи; политическая свобода, как непосредственная, ближайшая цель пролетарского движения; самостоятельная политическая партия пролетариата, как необходимое орудие не только его собственного классового освобождения, но и освобождения России от оков царизма и социально-экономического застоя. Это было не только **указание** русским революционерам, куда направить свои силы; это было и сделанное с гениальною прозорливостью **предсказание**, оправдавшееся с редкою в истории полнотою.

Прошло, однако, 1½ десятка лет, прежде чем идеи группы «Освобождение Труда» претворились в плоть и кровь Российской Социалдемократической Рабочей Партии. От пропагандистских кружков через агитационные группы и затем «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса», руководившие уже массовым пролетарским стачечным движением и старавшиеся вносить в него политический элемент, социалдемократия шаг за шагом дошла к 1898 году до оформления в политическую партию, которая тотчас же по основании как бы снова замерла на несколько лет и лишь с начала XX века стала превращаться в могучий, полнокровный организм, закрепивший свои программные, тактические и организационные устои на II партийном с'езде в 1903 году.

С трудом можно представить себе теперь ту идейно-политическую атмосферу, которую застала выходившая на историческую арену русская социалдемократия 25 лет тому назад. Эпигоны народничества претендовали на безраздельное господство над умами молодежи, воспитывая в ней политическую пассивность и дряблое «культурничество» и налагая печать своих воззрений на все сколько-нибудь либеральные оттенки общественной мысли. Подвергалась сомнению самая возможность развития капитализма в России и во всяком случае начисто отрицалась его относительно-прогрессивная роль в переустройстве русского социально-экономического уклада: капитализм считался лишь паразитическим наростом на народно-хозяйственном организме России, который своими самобытными—об-

щинными и артельными — путями идет, минуя капитализм, к «высшим хозяйственным формам». Соответственно этому и самая мысль о существовании и развитии пролетариата в России, как особого класса, об'являлась абсурдом: в общинной и артельной России, не ведающей классовой борьбы, свойственной гнилой Европе, пролетариат может быть лишь общественной «язвой», не имеющей будущего, способной лишь отравлять процесс общественного развития. Отсюда — и взгляд на социалдемократию, как на «чужеземный цветок», не имеющий корней в действительности и лишь в силу упрямого доктринерства кучки марксистов «искусственно» перенесенный на русскую почву.

Теперь, конечно, никому и в голову не придет тратить хоть несколько слов на опровержение всей этой нелепицы, в свое время проповедывавшейся в сотнях книг, газет и журналов и вызывавшей страстную полемику о «судьбах капитализма в России». Весь дальнейший ход событий так неопровержимо доказал «почвенность» русской социалдемократии, не только историческое право ее на существование, но и историческую необходимость ее, что нет возможности написать историю социально-экономического и политического развития России за последнюю ¼ века, которая не была бы одновременно историей русского рабочего класса и организовавшей и возглавлявшей его движение русской социалдемократии. Из года в год все большие и большие рабочие массы вставали под ее руководство, увлекая за собою и другие народные слои — мелкое городское мещанство, крестьянство, армию. Колоссальнейшие экономические и политические забастовки; восстания; революция 1905 года с ее первым Советом Рабочих Депутатов; четыре Думы и новая грандиознейшая в мире революция, сразу выдвинувшая русский пролетариат на первое место и приведшая даже к переходу всей государственной власти в руки одной из пролетарских партий, правда, порвавшей с традициями марксистской социал-демократии, но связанной с частью рабочего класса; — все это не только исторические события величайшей важности, но и этапы, иллюстрирующие развитие русского рабочего класса в одну из главенствующих сил русской общественности.

Но не только в исторической жизни России социалдемократия прочно утвердилась, как законный и необходимый плод развития этой жизни; и на идейный облик всех других общественных сил она наложила неизгладимый отпечаток. Если раньше вся идеология русского общества была окрашена в народнический цвет, то теперь, наоборот, и либерализм, впервые сгустившийся в политические партии, и возродившееся в новых условиях народничество испытали на себе могучее идейное воздействие марксизма: признание неизбежности развития капитализма в России, с одной стороны, исторически-прогрессивной и освободительной роли русского рабочего класса, с другой, стали прочным достоянием их программно-тактич. багажа.

И по жестокой иронии истории как раз теперь, после большевистского катаклизма, былые «принципиальные» отрицатели капитализма в России и проповедники скачка «через его голову», цепляются за его восстановление и подчас готовы даже во всяком ограничении капиталистического произвола и капиталистической анархии видеть чуть не измену «духу святому» свободы и интересов трудящихся масс...

II.

Однако, «почвенность» русской социалдемократии доказана не только ее ¼ вековым существованием и колоссальной ролью, сыгранной ею в развитии политической и культурной жизни России за эти четверть века, но и ее собственными, внутренними судьбами. Ибо, если русская социалдемократия мощно воздействовала на ход русской жизни, то и стихия этой жизни еще более мощно воздействовала на социалдемократию, придавая ей специфически - «национальный» облик. И в этом облике отражалась экономическая, социальная и культурная отсталость России, темнота и невежество ее масс, историческая молодость ее пролетариата и тесная связанность его с крестьянством и городским мещанством, непрерывно вливающимися в его ряды, политическая незрелость и организационная невышколенность русского рабочего класса, незаметно для себя становившегося зачастую простым орудием в руках революционной интеллигенции, умевшей и марксистские лозунги наполнять содержанием, совершенно не свойственным и даже прямо противоположным их действительному смыслу.

Социалдемократия была законным детищем эволюционирующей русской действительности. Но и бунтарский бакунизм народничества и якобинство Народной Воли тоже, и не в меньшей степени, отнюдь не были измышлением революционной интеллигенции, «искусственно» привнесенным в русскую жизнь. Наоборот, они были неизбежным, неустранимым порождением русской отсталости, законным выражением стихии «деревенщины» и мещанства, затопившей шестую часть земного шара, как море, в котором отдельными островками начали выделяться города и небольшие районы с растущею капиталистическою промышленностью, буржуазией и пролетариатом, всем классовым и культурным укладом, свойственным европейской цивилизации.

Русский пролетариат мог стать политическим гегемоном крестьянства и мещанства именно благодаря своей родственной связи с ними. Русский марксизм мог победить якобинизм и бакунизм, лишь восприняв в себя самого существенные черты их. Русская социалдемократия могла стать главенствующим фактором русской общественности, поскольку в самой себе эту общественность отражала. В раздиравшей русскую социалдемократию фракционной борьбе отразилась трудная и мучительная борьба пролетариата, формирующегося в класс, за свое социальное, культурное и идейно-политическое освобождение от связанности с чуждыми ему классами и от их влияния на него. Этот смысл фракционной борьбы при самом начале ее был отмечен П. Б. Аксельродом, Р. Люксембург и другими авторами статей в «Искре».

Было бы смешным самомнением утверждать, что меньшевистское крыло русской социалдемократии никогда не сбивалось с пути классовой, пролетарской политики и не делало ошибок, подчас весьма тяжелых и чреватых большими последствиями. Но, в общем и целом, можно сказать, что история борьбы меньшевизма с большевизмом в рядах русской социалдемократии есть история борьбы пролетариата за свое классовое самоопределение против стихии отсталости, борьба марксизма с наседавшими на него и слишком часто его одолевавшими традициями российского бакунизма и якобинства.

Условия, в которых произошла революция 17 года, обеспечили торжество большевизму, ибо война, на почве которой совершилась революция, в грандиозной степени усилила удельный вес «деревенщины» и всяческой отсталости по сравнению с элементами европеизма.

Колоссальное разрушение производительных сил; понижение культурного уровня; истребление тонкого слоя классово-культурных рабочих; непрерывное вливание деревенских и плебейски-мещанских элементов в ряды пролетариата; преобладающая роль солдат (ты-

ловых гарнизонов, а затем и фронта) т. е. вооруженной «деревенщины» в ходе революции; — все эти факторы достаточно об'ясняют, почему классово-сознательные элементы были смяты и отброшены в сторону и почему элементам отсталой стихии — бакунизму и якобинизму — было суждено почти безраздельное торжество. Пролетариат, марксизм, социалдемократия оказали сильнейшее воздействие на ход русской общественной жизни. Но русская жизнь сумела по своему переработать и марксизм, и социалдемократию и поставить «на место» русский пролетариат.

Теперь ¼ вековой юбилей основания Р. С. Д. Р. П. будем праздновать одновременно и мы, и наши бывшие товарищи по партии, ставшие нашими душителями и палачами. Но праздновать мы будем по разному. Они, если захотят, могут придать празднованию небывалый блеск и размах, пользуясь, по хорошо известному уже трафарету, всеми средствами государственного аппарата, опираясь на монополию слова, печати, собрания. Мы будем праздновать этот юбилей в глубоком подполье рабочих кружков, в тюрьмах и местах ссылки, в изгнании, вспоминая о понесенных уже бесчисленных жертвах и готовясь к новым.

Но, как бы блестящ ни был большевистский юбилейный парад, он, в лучшем случае, будет напоминать похороны по первому разряду, похороны прошлого, в котором были и вера, и энтузиазм, и пылкие надежды. Где теперь все это в обанкротившемся большевизме? В его лице русский бакунизм и якобинство закончили свою историческую миссию и самым торжеством своим создали условия, при которых им не будет больше места в русской жизни. Большевизм принадлежит прошлому, будущего у него нет. Единственным законным преемником, наследником славного прошлого российской социалдемократии является наша партия. И наше скромное, подпольное торжество целиком связано с будущим русского пролетариата, с теми неизмеримо трудными задачами, которые встают перед ним. Мы разбиты преследованиями, мы загнаны в подполье, как не были никогда за ¼ века. Но мы чувствуем, как протягиваются к нам нити от передовых слоев класса, после всех бурь революции, всех иллюзий и разочарований выходящего, наконец, на свою собственную классовую дорогу. Мы видим, как вокруг нашего знамени собирается героическая и самоотверженная рабочая молодежь, высокий душевный строй которой представляет такой разительный контраст с идейным и моральным разложением комсомола. И мы сознаем, что социалдемократия есть пролетарская партия будущего.

Этому будущему больше всего должны быть посвящены наши юбилейные дни.

Историческая справка

(1-ый с'езд Р. С.-Д. Р. П.).

Мысль о необходимости об'единения разрозненных с.-д. организаций в единую всероссийскую партию в середине 90-х г. г. оживленно дебатировалась всюду, где существовали сколько-нибудь прочные с.-д. группы, — в Вильне, Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе и т. д. Неоднократно делался и ряд практических попыток в направлении созыва с.-д. с'езда, долженствовавшего положить начало этому об'единению. Из них первая, насколько нам известно, относится еще к 1893 г., когда по поручению Виленской группы тов. Юдин-Айзенштадт (ныне член Ц. К. РСДРП. и «Бунда») совершил об'езд ряда городов с целью установления непосредственной связи с тамошними с.-д. организациями и выяснения вопроса о своевременности созыва с.-д. с'езда.

По ряду причин, на которых не место здесь останавливаться, эти попытки долго кончались неудачами, но так как потребность в таком об'единении ощущалась чем дальше, тем настоятельнее, то они вновь и вновь повторялись.

Довести до конца работу по созыву с'езда выпало на долю Киевской организации. Относительно благоприятные полицейские условия способствовали тому, что в Киеве образовалась сравнительно многочисленная группа с.-д., энергичных и опытных конспираторов, решивших свои силы посвятить

Самоопределение интеллигенции.

Сколько горьких упреков звучало по адресу социалдемократии, — в «узости», в «черствости», в «односторонности» и в «свойственном марксистам схематизме» — когда наша печать пыталась развенчивать неземные «надклассовые» позиции интеллигенции. Какое всеобщее возмущение вызывало это в либеральных и радикальных органах печати, где находила себе прибежище эта самая интеллигенция!

Стоит вспомнить период похмелья, наступившего после революции 1905-го года, — эпоху столыпинской реакции, когда царское правительство еще не закончило своей кровавой тризны над побежденной революцией, а карательные экспедиции, военно-полевые суды и виселицы продолжали свое плодотворное дело. Уже тогда значительные кадры русской интеллигенции оказались «на высоте положения». Среди многих групп интеллигенции было принято изображать революцию, как «бунт», а русский народ, — как дикого зверя, выпущенного из клетки. По всей линии был проведен разрыв с революционной традицией интеллигенции. Проповедь малых дел и пользы лужения умывальников легко сменила идеи подвига. Реализм диктовал не погоню за «синей птицей» социализма, — а поиски доходного места в капиталистическом предприятии. Со столбцов некогда либеральных и радикальных газет полилась проповедь патриотизма, «национальных отталкиваний», вплоть до антисемитизма.

Крупные слои интеллигенции, вчерашние попутчики, — постепенно самоопределяясь в классовом смысле, скоро обнаружили свое истинное «лицо».

И вот наступили годы катастроф, — годы войны и революции. — Но запасы трезвости и реализма оказались достаточны у русской интеллигенции, и большинство русских «образованных людей» к началу революции 1917-го года оказались вне левого фланга русской общественности, — вне революционных и социалистических партий. Уже в эту весеннюю пору революции наметилась линия направления широких кругов интеллигенции: напуганные призраком народных движений, они шарахнулись в сторону, — подальше от революции, — и во имя «порядка» сгрудились вокруг имущих классов страны. Что уж говорить о дальнейшем! Большевистский «октябрь» мог только форсировать процесс классового самоопределения интеллигенции. Голод, холод, эпидемии, чека и коммунистические эксперименты во всех областях жизни с неумолимой логикой толкали прочь от революции и рождали жажду «порядка во что бы то ни стало». А специфические мытарства и страдания, которые большевики обрушили на русских интеллигентов в изобилии, должны были вытравить из сердца широких масс русской интеллигенции последние остатки общественных идеалов. Так закономерно намечалось грядущее самоопределение интеллигенции.

Ведь в России 1918—21 г.г. не оставалось никакого места ни романтике, ни сентиментализму, — и надо было обладать большим запасом мужества и душевной стойкости, — какими не располагали очень многие русские интеллигенты, — чтобы через эти «голые годы» пронести нетронутыми сочувствие к трудящимся и верность идеалам свободы и братства! И нет ничего удивительного в том, что, пройдя через горнило испытаний, старый русский интеллигент окончательно переродился. Новый тип интеллигента испытан железом и кровью; на нем — закал революции. Это — не лишний человек, не размагниченная личность, не кающийся интеллигент, не чеховский нытик. Нет! Его лицо с каждым днем все выпуклей и рельефней очерчивается. Его характер сложился в грозовом дыханьи войны и революции. И когда миновали

преимущественно работе над об'единением партии. В историю эта группа вошла под именем «Группы Рабочей Газеты», — по названию созданного ею органа, первого печатного с.-д. органа, выходившего внутри России (если не считать «Рабочего» 1885 г.). Этой группою было произведено несколько об'ездов крупнейших центров, завязаны связи с с.-д. Вильны, Петербурга, Москвы, Харькова, Иваново-Вознесенска, Одессы, Николаева, Екатеринослава, устроено Киевское совещание в марте 1897 г., организована типография и выпущено 2 №№ «Рабочей Газеты», установлены сношения с заграничной «Группой Освобождения Труда». Умело проведенная работа сделала эту группу фактическим центром движения в тот период.

Самый с'езд, положивший начало существованию Р. С.-Д. Р. П., как партии, состоялся 1—3 марта по ст. ст. 1898 г. в Минске. Участвовали в нем следующие товарищи: Б. Эйдельман и Ник. Абр. Вигдорчик от группы «Рабочей Газеты», Пав. Лук. Тучапский — от Киевского Союза Борьбы и киевского рабочего комитета; Ст. Ив. Радченко — от Петербургского Союза Борьбы; Александр Ванновский — от Московского Союза Борьбы; Казим. Адамов. Петрусевич — от Екатеринославского Союза Борьбы, и Александр Кремер, А. Мутник («Глеб») и один рабочий, имя которого не установлено — от «Бунда», незадолго перед с'ездом оформившегося в качестве областной организации. Председательствовал на с'езде Б. Эйдельман; секретарями были — Н. А. Вигдорчик и П. Л. Тучапский.

С'езд обсудил и решил в положительном смысле вопрос о своевременности создания с.-д. партии, принял название партии*), заслушал доклады с мест и приняв партийный устав, об'явил «Рабочую Газету» центральным органом, а заграничный «Союз русских с.-д.» — Заграничным комитетом партии и в заключение избрал Ц. К. (в составе А. Кремера, С. И. Радченко и Б. Эйдельмана), поручив последнему принять и опубликовать от имени с'езда декларацию. Эта декларация, известная под именем «Манифеста», была составлена П. Б. Струве и вскоре вышла отпечатанной в типографии Петербургского «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса».

Избранный на с'езде Ц. К. просуществовал недолго: с'езд был прослежен, и немедленно после того, как его участники прибыли на места, в ночь с 11 на 12 марта по всей России были произведены массовые аресты (около 500 чел.), во время которых была взята вся группа «Раб. Газ.», во главе с Эйдельманом, ее типография с готовым материалом № 3 «Раб. Газ.», Ванновский, Петрусевич и др.; несколькими месяцами позднее, в ночь на 26 июля 1898 г., были произведены новые массовые аресты, — на этот раз в районе деятельности Бунда, причем была взята типография Бунда, А. Кремер, Мутник и др. На воле из членов Ц. К. остался один Ст. Ив. Радченко, который не счел возможным пользоваться правом кооптации и не восстановил Ц. К.; в течении следующих лет партия существует только как знамя, и лишь с начала 1900 г.г., после возвращения из ссылки Ленина, Мартова и Потресова, начинается новый период организационного об'единения и оформления.

*) Причем с'езд постановил назвать партию «Рос. С.-Д. Партия», без «Рабочая»; последнее слово в название было вставлено потом, на заседании избранного с'ездом Ц. К.

В заключение остановимся на судьбе участников с'езда.

Двое из них, — А. Ванновский и С. И. Радченко, — умерли до революции 1917 г.; совсем недавно одесские товарищи проводили в могилу третьего — П. Л. Тучапского, одного из секретарей первого с'езда, до конца своих дней остававшегося верным знамени с.-д. и многократно подвергавшегося гонениям как до революции, так и после перехода власти к большевикам; последними, между прочим, он вместе с другими нашими товарищами был предан суду в начале 1918 г. в Одессе, по громкому делу «Южного Рабочего». В настоящее время в живых находятся 7 участников с'езда. Из них Н. А. Вигдорчик, второй секретарь с'езда, находится в ссылке в Иркутской губ., т. е. там же, куда он был сослан за с.-д. деятельность в период первого с'езда, и по тому же самому обвинению, — за принадлежность к Р. С.-Д. Р. П. Председатель с'езда, Б. Эйдельман, отбывший долгую ссылку в Якутской области и с тех пор отошедший от партийной работы, участия в политической жизни не принимает; им написаны интересные воспоминания об эпохе первого с'езда, напечатанные в 1907 г. в сборнике «Наша Страна»; недавно они перепечатаны в большевистском историческом журнале «Пролет. Революция» (№ 1). Остальные участники с'езда находятся ныне за советским рубежом: А. Кремер — в Вильне, где он входит в организацию «Бунда»; Мутник («Глеб») — в Берлине (член с.-д. клуба);К. А. Петрусевич, отошедший от политической жизни, живет в Польше.

мертвая полоса все нивеллировавшего военного коммунизма, когда был вырван «нэп» у советской власти, — в России начала складываться новая практика русского интеллигента, а за рубежом стала отливаться его новая идеология.

Картина самоопределения значительных кругов русской интеллигенции, которую мы наблюдаем за рубежом, представляет значительный интерес. Идет процесс массового поправения. Отдельные интеллигенты в своих политических скитаньях докатились до идей реставрации монархии, до апологии Врангеля и еврейских погромов (и среди них есть не только г. г. Шульгины, что было бы понятно, но и г. г. Бикерманы); другие, не заходя так далеко, напуганные революцией и большевиками, специализируются на социалистоедстве и восхваляют прелести грядущего капиталистического строя. С некоим радостным исступлением сжигая все, чему когда-нибудь поклонялись, — все свое красноречие и писательский дар они отдают на дело борьбы с революцией и социализмом перед лицом широких кругов интеллигенции.

Их писания, несомненно, соответствуют определенной об'ективной потребности. Об'ективные тенденции этой потребности с редкой яркостью проступают в статьях Питирима Сорокина и С. Маслова, напечатанных недавно в берлинской газете «Дни» (№ 20 и 51).

П. Сорокин — бывший правый эс-эр, в свое время в советской России прижатый большевиками к стене, отрекшийся от всякой «политики» и посвятивший себя чисто культурной работе, — а сейчас высланный заграницу и здесь возобновивший политическую деятельность. В сущности он совершенно прав в своих наблюдениях. Новый интеллигент стал более прозаичен, более деловой. И его идеология резко изменилась: П. Сорокин говорит о под'еме национализма, о положительной оценке капиталиста и собственника, о разочаровании в революции и о возрождении симпатий к старому режиму. Но г. Сорокин не удовольствовался одной передачей своих наблюдений. Он не может, да и не хочет скрыть своих собственных чувств и влечений. Ему, вчерашнему эс-эру, **нравится** этот тип новаго интеллигента. Вы находите, что этот тип реакционный, мещанский, пошлый, лишенный самоотверженности? Нет, — успокоительно заверяет Сорокин, — новый интеллигент — только более консервативный, реалистический, деловой, более опытный и уравновешенный. Это — положительный идеал нашего социолога. Сорокина не смущает даже, что «частичным проявлением национализма служит антисемитизм, охвативший и интеллигенцию, профессуру и студенчество». Его, «поумневшаго» социалиста, конечно, не смущает потеря социалистической идеологией обаяния в глазах интеллигенции. И, констатируя, что в представлениях интеллигенции «завоевания революции» считаются «ужасом», П. Сорокин благожелательно отмечает поворот симпатий в сторону старого режима, чьи «положительные стороны», мол, прежде «не дооценивались». Так, на живом примере П. Сорокина мы видим «национальное лицо» и «деловые черты» того нового интеллигента, который ждет не дождется своего «хозяина», на потребу которого уже фабрикуется националистическая и реалистическая идеология.

С. Маслов, другой новый интеллигент из эс-эров, один из новейших апостолов идеи создания крестьянской собственнической партии, в высшей степени отчетливо формулировал свой новый символ веры. Оставаясь не в пример Сорокину на почве демократии, С. Маслов все внимание свое посвящает задаче размежевания с социализмом. Мы — трудовики, но своеобразные — заявляет он. А «своеобразие» это заключается в том, чтобы понятием труд охватить и труд... предпринимателя. «Мы стоим на классовой точке зрения» — говорит он, — но только для того, чтобы отстаивать «солидарные действия классов

Европейские коммунисты и Рур

1. «Чем кумушек считать трудиться»...

С самого начала рурского конфликта, как только обнаружилась опасность занятия французами рурского бассейна, коммунистическая пресса в России и в Европе не перестает ликовать по поводу «банкротства» Амстердамского и обоих социалистических Интернационалов.

Уже 4 и 5 января «Юманите» и «Роте Фане» издеваются над социалдемократами, «собирающимися ограничиться в своей борьбе протестами и словесной агитацией». Московская «Правда» проницательно предсказывает, что германские с.-д. ни за что не решатся оказать сопротивление французам, ибо эти предатели пуще всего боятся движения пролетарских масс. А всесильный секретарь могучего «Профинтерна» Лозовский, скача и играя, злорадно зубоскалит насчет бессилия Амстердама: «Фиммен, где ваша всеобщая забастовка?» —

В то же самое время К е р, делегат франц. комм. партии на международной комм. конференции в Эссене (6-го января), категорически заявляет: «население Франции против всяких военных авантюр... Занятие рурского бассейна вызовет во французском народе гигантскую бурю»..., каковая буря, конечно, произойдет под руководством комм. партии.

Другой видный франц. коммунист, Монмуссо, не менее определенно предсказывает на митинге 4 января в Париже, что «революционный авангард пролетариата (читай: коммунисты) никогда не допустит удушения германской революции» французским милитаризмом.

А третий, не менее авторитетный представитель франц. коммунизма Трэнт обещает, что в борьбе против планов Пуанкарэ немецкие и французские рабочие проведут совместно всеобщую забастовку.

Со своей стороны германские коммунисты в лице своего Ц. К. (10 янв.), затем в лице самой влиятельной своей организации (берлинской окружной) и «Роте Фане» (14 янв.) звали герм. пролетариат ко всеобщей забастовке за отставку правительства Куно и «завоевание рабочего правительства».

И их призыв находил себе веское подтверждение в голосе «самого» исполкома коминтерна, который в свойственных сему высокому учреждению энергических тонах приглашал рабочих «срывать маски с лицемерных вождей», устраивать стачки, демонстрации и «организовать массовый штурм против буржуазных правительств» («Роте Фане», 16 января).

Всякому читателю комм. газет было ясно, что тут противостоят друг другу — две принципиально различные тактики: бездейственная тактика «предательских вождей» желтых Интернационалов, которые, в угоду своему капиталу, будут срывать стихийное движение масс; и активная, революционная тактика коммунистов, которые станут во главе «стихийного возмущения», в наличности которого нельзя сомневаться, и путем всеобщих забастовок и «массового штурма» за рабочее правительство превратят движение в европейскую революцию. — И воображению комм. читателя, подхлестнутому «грандиозными демонстрациями» в Москве, грозными окриками московских газет по адресу Польши, протестом В. Ц. И. К. и т. п., — рисовались самые грандиозные перспективы.

Но вот Рур занят. Гром грянул... И — ничего не произошло, Коммунистическая гора родила даже не мышь, а вообще пустое место.

Снисходя «до интереса к общечеловеческому прогрессу», С. Маслов твердо заявляет: «Мы — националисты. Интернационализм... нам чужд». Отказываясь «подчинять жизнь сегодняшнего дня... социализму», Маслов провозглашает: «мы — реалисты». И, чуждый «чувству святости» революции, он постулирует теорию эволюции, как единственный путь спасения. И с восхищением — столь редким в наши дни — С. Маслов оглядывается на нового собственника, на капиталиста, на опору своей программы, — на такие черты его, как национализм и реализм, на черты, подмеченные П. Сорокиным у нового интеллигента и, следовательно, общие у него с новым собственником. Итак, — национализм и реализм — вот знамя самоопределяющейся интеллигенции! И вот-он, — новый русский интеллигент, на побегушках у нового собственника в возрожденной буржуазной России, сочиняющий апологию всем прелестям буржуазного строя, провозглашающий осанну капитализму и вырабатывающий для него подходящую идеологию: национализма и реализма, а, если нужно, религии и монархии...

Поучительны и далеко небезразличны с точки зрения завтрашнего дня русского рабочего движения отмеченные нами процессы самоопределения интеллигенции, процессы, характерные для периода революционного отлива и далеко ушедшие вперед после глубокого и драматического большевистского опыта. И надо прямо сказать, что чем дальше развиваются события, чем рельефнее происходит процесс политического поправения интеллигенции, тем меньше шансов остается для рабочего класса иметь среди своих попутчиков в борьбе за демократическую республику широкие круги русской интеллигенции. Как и все элементы политически-слабого буржуазного общества в России, новая, реалистическая и националистическая интеллигенция может легко, наряду с пореволюционным собственником деревни и города, стать одной из опорных сил бонапартистскаго режима, устраняющего от влияния и решающей роли в стране трудящиеся классы. Ведь «сдвиг» интеллигенции в стан пореволюционного собственника неизбежно вытекает из той идеологии, которую поставляют ей г. г. Сорокины и Масловы; и, если, распрощавшись с последними остатками своих демократических верований, широкие круги интеллигенции последуют призывам стать под знамя национализма и реализма, — несомненно делу борьбы за политическую свободу в России будет нанесен весьма чувствительный удар. В проповеди политической беспринципности, в восторженном преклонении перед священным институтом частной собственности, в пренебрежении к нуждам и запросам трудящихся масс, ищущих социальной справедливости, — и заключается опасность грядущего бонапартизма.

И для того, чтобы сделать более выпуклым значение нового сдвига в настроениях интеллигенции, — будет небесплодным подчеркнуть, что отмеченным процессам классового самоопределения интеллигенции соответствуют параллельные процессы кристаллизации тех интеллигентских кругов, которые кровно связаны с коммунистической партией и обслуживают аппарат советской власти. Националистическим и реалистическим группам интеллигенции, которым мы посвятили свое внимание, протягивает братскую руку бонапартистская интеллигенция, вскормленная в недрах большевизма, в лице спецов, «красных директоров» и других разновидностей нэпманов в коммунистической одежде. И в этих рядах пользуется весьма широким кредитом проповедь борьбы с социалистической и демократической идеологией и с стремлениями трудящихся масс: и в этой среде уже сейчас находят свое признание лозунги торжествующего бонапартизма, которыми характеризовал Маркс эпоху 18 брюмера: «собственность и порядок»...

Г. Аронсон.

Обещанная Кером «гигантская буря» во Франции не состоялась даже хотя-бы на одну стотысячную натуральной величины.

А германская компартия о своей всеобщей забастовке в решительную минуту просто-на-просто постаралась позабыть. Именно: позабыть. Официально не отмечая ее, она о ней больше ни разу не упоминала, понадеявшись на короткую память своих читателей. Мало того. Испугавшись организованного социалдемократами пассивного сопротивления в Руре, «Роте Фане» вообще стало сомневаться в том, имеет-ли смысл специальная борьба рурских рабочих, не грозит ли это усилением национализма? Революционно-активная тактика Коминтерна в решительную минуту оказалась на деле как две капли воды похожа на предательскую и пассивную тактику «желтых социалистов».

Таковы факты! А ведь французская комм. партия, как всем известно, все время была гораздо многочисленнее социал. п., и, если верить комм. печати, она все время растет, усиливается, внутренне крепнет, и опирается теперь даже на примкнувшую к Профинтерну сплоченную профес. организацию. Зачем же дело стало?

А герм. комм. п. имеет четверть миллиона членов. И тоже непрерывно растет, увеличивается, крепнет и т. д., как всем доподлинно известно, из той же комм. печати, опирается на «могучую организацию герм. фабзавкомов», которая целиком идет за коммунистами.

«Пролетариат требует»... пишет Лозовский, «Рабочие кричат», вторит ему в стихах Демьян Бедный.

Так в чем же дело? Если и пролетариат рвется в бой, и несомненный его авангард и «властитель дум» — компартия — к этому бою призывает, — так почему же боя все-таки нет?! —

Вот загадка, которую мы очень рекомендуем вниманию читателей комм. газет.

У Лозовского есть на это готовый ответ. Пролетариат-то хочет, и Коминтерн хочет, да вот Амстердамский и II Инт. не хотят, — жалуется он 16-го февр. в «Правде».

Что-же такого? Мог бы ему ответить читатель «Правды», — твердо памятуя из тысячи прочитанных им в этой газете статей о развале желтого Интернационала» и победах Профинтерна: — «не хотят и не надо. Раз пролетариат хочет, то мы и без них!»

Но этого, оказывается, никак нельзя. Каким-то непонятным образом европейский пролетариат против своего желания оказывается прикованным к колеснице «желтых предателей». И «принудительного членства» в Европе нет, и в компартию всякий свободно записываться может. Европа ведь не Сов. Россия с принудительной монополией одной партии. Так отчего же европейские рабочие, если они действительно настроены так, как изображают коммунисты, просто на просто не пошлют к чорту амстердамцев, которые его силой ведь удержать не могут и не пойдут за Профинтерном?

«Правда» заключается в том, что широкие массы рабочих и в Германии, и в Англии, а в особенности во Франции и в Бельгии, — те самые низовые пласты, без которых ни одно серьезное движение немыслимо, к сожалению еще до сих пор находятся под сильным влиянием военных и послевоенных настроений, что они в значительной мере заражены национализмом, узким практицизмом оппортунизмом, и неспособны сейчас на какие-либо решительные, принципиальные вступления.

Нужно ли далеко ходить за примерами?

Вот уже в самый разгар рурской оккупации вспыхивает забастовка французских рудокопов. Казалось бы, что же лучше? Вот блестящий образец международной солидарности, революционной активности и т. п.? «Люди угля и железа», восторженно писала «Правда». И забастовка организована не какими нибудь «желтыми», — нет, французскими «красными профсоюзами», только что официально подошедшими под высокую руку Лозовского.

И что же? Прочтите внимательно обращение забастовщиков к нем. углекопам («Роте Фане», 6 февр.). Вы думаете, что «красные» забастовщики сообщают своим нем. братьям, что они бастуют в виде протеста против Пуанкарэ, что они спешат выполнить свой интернациональный революционный долг поддержки нем. пролетариев, угнетаемых французским империализмом?

Ничего подобного. Они упрекают . . . немцев за то, что те раньше работали сверхурочные часы (для выработки репарационного угля, отправляемого согласно мирного договора во Францию и за недостаточную поставку которого последовало занятие рурского бассейна!), заявляют им, что начинают забастовку для повышения зараб. платы, и просят немцев поддержать их, французов, в этой экон. борьбе своей забастовкой. И все! И больше ни слова! —

Вот настроения, в которых лежит корень бессилия и вынужденного бездействия и Амстердама со II Интерн., и Коминтерна с Профинтерном.

Это отлично понимают и Лозовские.

Но вместо того, чтобы честно и открыто признать «то, что есть», они предпочитают передергивать карты и, паясничая, кивать на Амстердамского Петра: «Фиммен! Вандервельде! Где ваша генеральная стачка?» —

С неменьшим правом можно спросить их:

«Лозовский! Зиновьев! Где ваш массовый штурм?»

2. Ясный план.

Иной коммунист может возразить: Правда, европейские коммунисты сейчас еще слабы. Но зато у них есть воля к действию, а главное они знают, чего хотят. У них есть ясный отчетливый план действий, в то время, как социалдемократы запутались в своих противоречиях и не знают сами выхода из тупика.

Нет ничего ошибочнее, чем такое убеждение. Тезис о «ясности» коммунистических планов принадлежит к числу творимых в редакции всяческих «Правд» легенд.

Ясность была, — правда, очень примитивная и кажущаяся, — в тот период, когда коммунизм полагал, что наступила эпоха немедленного и прямого перехода к социализму. Тогда все было ясно и просто.

С тех пор, как Ленин провосгласил «стабилизацию» зап.-европ. революций, равно как и опыт нэп'а в России, не оставил камня на камне от прежних иллюзий. И коммунистическая «ясность» заменилась весьма зигзагообразной линией. —

Вот рурский конфликт. Что делать германскому пролетариату? (Над этой проблемой больше всего мудрят коммунисты и русские, и европейские, хотя для всех ясно, что ключ к событиям лежит сейчас отнюдь не в Германии, а во Франции).

«Бороться с французским нашествием путем борьбы у себя в Германии против германской буржуазии», — отвечают германские коммунисты («Роте Фане», от 10 янв., речь Цеткиной в парламенте в начале марта).

Против подобных общих формул очень трудно спорить. Конечно, пролетариат всегда и везде должен бороться против своей собственной буржуазии.

Но каково конкретное содержание этой формулы в данных условиях и в данный момент?

Прежде всего: должны ли рурские рабочие бороться против французского нашествия?

Упомянутый нами уже Кер в своей полемике против Пуанкарэ ссылается на те затруднения, которые последний встречает в Руре со стороны герм. рабочих, следовательно, политически опирается на тактику пассивного сопротивления, организованную герм. с.-д.

Точно также и Радек («Правда», 18 февр.) обливает едким сарказмом всех тех герм. социалистов, которые «за капитуляцию перед Францией». И весьма тепло отзывается о буржуазном правительстве Куно за то, что оно, в отличие от Вирта, оказывает сопротивление Антанте. Другими словами, Радек за сопротивление, за отпор, как единственно совместимый с «честью и достоинством пролетариата». А г. Майский (тот самый!) прямо «крови жаждет», а в одном из своих обзоров жалеет, что в Германии на улицах мало французов бьют.

Между тем «Роте Фане» прямого ответа на этот вопрос ни разу не дала. Когда-то она усердно культивировала национал-большевистские идеи насильственного срыва версальского мира и в Баварии уже доходило до того, что фашисты субсидировали комм. газеты (см. разоблачения бывшего комм. депутата Графа). Но сейчас газета склоняется к отрицательному ответу (напр., в номере от 23 янв.). Столь же неясна и позиция Клары Цеткиной. Ее последнюю речь в рейхстаге можно толковать и в одном смысле, и в другом. «С одной стороны, с другой стороны»...

Но эта неясность только кажущаяся, — заявляет авторитетнейший вождь герм. комм. парт. Брандлер. На самом деле это только у буржуазии и у социал-предателей имеются всего два выхода: борьба или капитуляция перед Пуанкарэ. Коммунисты же имеют третий выход: «отражение французского нашествия» путем — классовой борьбы в Германии! И Брандлер развертывает следующий гениальный по своей простоте план: Коммунисты вместе с с.-д. и профсоюзами немедленно проводят принудительный заем у герм. капиталистов и полученными средствами затыкают пасть французским милитаристам. «Это сейчас единственно возможная форма борьбы против франц. милитаризма. Ни для чего иного у герм. пролетариата сейчас нет силы» ... (Роте Фане», 10 янв.).

Вы скажете, что эта «форма борьбы» поразительно напоминает обыкновенную капитуляцию и что она как будто не очень соответствует гордым речам Радека о «чести и достоинстве».

Но собака тут зарыта гораздо глубже.

Прежде всего, ясно, что этот «принудительный заем» можно будет провести лишь при новом правительстве, составленном из рабочих партий. И план Брандлера официальное воззвание лейпц. с'езда комм. п. (от 28-го янв.) пополняет лозунгом «рабочего правительства». Но этого одного недостаточно: благополучно удалив при помощи забранного у Стинесса золота Пуанкарэ с Фошем из рурского бассейна, германское рабочее правительство разрушит построенный Францией «барьер на Востоке» и заключит оборонительный и наступательный союз с Сов. Россией. На этом месте офиц. документ К. П. Г. ставит точку, но мысль ясна. В союзе с Россией Германия с течением временем окрепнет, и тогда волку Пуанкарэ «отольются овечьи слезки», и временная капитуляция Германии будет отомщена с лихвой.

План хорош, что и говорить. И в «ясности» ему никак нельзя отказать.

Беда только в том, что для его выполнения необходимо:

1) Чтоб германская буржуазия без всякого сопротивления сдала власть и капиталы германским рабочим.

2) Чтоб французская буржуазия и французский империализм из любезности к германскому рабочему правительству согласились, получив некоторую мзду наличными, очистить занятые ими области, отказавшись от своих обширных и сложных планов, о которых так много писали и пишут комм. газеты.

3) Чтобы тот же французский империализм спокойно допустил разрушение построенного им «барьера» между Германией и Россией и в благодушном бездействии ожидал, пока новые союзники соберутся задавать ему «феферу». —

Другими словами, если взять этот план буквально, так, как он преподносится германскими коммунистами на собраниях и в печати герм. рабочим, то он обозначает не что иное, как мирную и бескровную социальную революцию в Германи с разрешения Пуанкарэ. —

Само собою разумеется, что в своем тесном кругу прожженные дельцы Коминтерна откровеннее и отлично понимают, с чем связан их «план».

Они отлично сознают, что попытка захвата власти сейчас означает начало беспощадной гражданской войны, в которой германский пролетариат очень скоро окажется сдавленным между вооруженным до зубов германским фашизмом (Бавария!) и цветными войсками генерала Дегута, с которым в виду общей классовой опасности очень быстро споются Стинессы и Куно. И никто иной, как те же Брандлеры, в сознании всей сложности германской ситуации, на только-что происходившем партейтаге третировали своих «левых», как утопистов за пропаганду подобных планов.

Они, далее, прекрасно понимают, что всякая попытка «ломать барьер» на востоке Германии (Польша!) означает немедленную войну. Между тем, и германские коммунисты, и Литвинов в своем интервью, и Лозовский, и Троцкий, — все в один голос заявляют, что пролетариат хочет мира, что война сейчас была-бы величайшим несчастьем и для всей Европы, и для Сов. России.

Они знают цену и заигрыванию французских генералов с германскими коммунистами: в «Роте Фане» от 11 февр. Петер Штейгер рассказывает, что генерал Дегут подсылал к вождям рурских коммунистов агентов с предложением «социализировать копи». Только что закончившемуся с'езду коммунистических фабзавкомов рейнско-вестфальской области (состоявшемуся в полосе оккупации с разрешения франц. властей!) было сделано аналогичное же предложение.

Но коммунисты его благоразумно отклонили. Ибо было ясно, что «социализация» при таких условиях означает на деле лишь помощь французским аннексионистами, и что она, ускорив капитуляцию Стинесса перед французским капиталом, очень быстро поставит рурских рабочих перед «разбитым корытом». —

Коммунисты все это отлично понимают.

Но что до того? Разве октябрьская революция в России не была проведена под лозунгом «защиты Учред. Собрания»? А затем: если на деле, реально-политически, герм. коммунистам приходится делать буква в букву то же самое, что и социалистам, т. е. поддерживать сопротивление в Руре, борясь в то же время за максимальное переложенче тягот неизбежной сделки с Францией на плечи имущих классов, — то отчего же не позволить себе роскошь революционных фраз, которые кой-каких рабочих соблазнят? **Р. А.**

Тришкин кафтан.

«Непосильные налоги душат промышленность». «Промышленность не может встать на ноги из-за тяжелых налогов». Под такими заглавиями «красные директора» жалуются в советских газетах и на всевозможных с'ездах и совещаниях на непосильное финансовое бремя, возложенное на промышленность с тех пор, как нэп вернул советскую Россию на стезю налогового хозяйства и к потребности в бюджетном равновесии. И это не пустые слова. Государственной промышленности, которая и без того дает громадные дефициты, уплата налогов не под силу; и уплата может происходить, конечно, только в том случае, если государство увеличит свои субсидии на сумму налога. А в тех немногих предприятиях, которым с таким трудом удалось стать наконец на собственные ноги и своими поступлениями покрывать свои расходы, налоги нарушают достигнутое равновесие и возвращают вновь к убыточному, дефицитному хозяйству. «Капитаны промышленности» делают из этого очень простой вывод: надо государственную промышленность либо совершенно освободить от налогов, либо понизить для нее налоги на очень значительный процент!

«Частная торговля задыхается в тисках громадных налогов». «Аренда делается невозможной, если введенная система налогов не будет смягчена». Это не только обычные жалобы промышленников и торговцев на высокое обложение, — жалобы, которые раздаются со стороны буржуазии во всех странах всего мира. В громадном числе случаев торговые предприятия частных лиц действительно закрываются, и официальная печать отмечает, что они умерли вследствие непосильных налогов. Аренда развивается очень медленно; во многих губерниях развитие ее уже совершенно остановилось, далеко не достигнув того предела, который намечен был властью, отнюдь не склонной особенно сильно расширять сферу частного хозяйства. Но те же официальные газеты отмечают, что аренда во многих случаях невыгодна вследствие высокого обложения.

«Собирание продналога связано с громадными затруднениями». В целом ряде районов крестьянам приходится отдавать слишком много и продуктов и времени для уплаты налога государству. Целые слои крестьянства лишаются с уплатой продналога громадной доли тех своих «излишков», на которые необходимо покупать промышленные продукты. Крестьяне не покидают, конечно, своих хозяйств, но не прекращается недовольство продовольственными работниками, жалобы и конфликты. С другой стороны, крестьянство лишается средств для улучшения своего хозяйства, и возрождение деревни все еще по настоящему не начинается.

Но все значение этих жалоб — по большей части совершенно искренних и разумных — можно оценить только тогда, когда с ними сравнить действительные размеры налогов. И тут-то оказывается, что эти «громадные», «совершенно непосильные» налоги на деле до смешного малы. Все прямые налоги, взятые вместе (в том числе и гербовый и канцелярский и общегражданский и т. д.) дали в 1922 г. около $4\frac{1}{2}$ % всего бюджета, т. е. около 50 миллионов зол. рублей. Если все прямые налоги, взятые вместе, дали казне 50 миллионов, то ведь это очень скромная цифра, совершенно утопающая в бюджете любого европейского государства. Собрана же она только частью с промышленности, и эта часть распределяется между государственной и частной индустрией и торговлей. Есть-ли на свете промышленность, обложенная легче, чем в России?

Продналог, который ныне превращается постепенно в очень прозаический денежный налог, должен дать государству 250—300 мил. зол. руб. На голову крестьянского населения ложится около 4-х руб. продналогу, а вместе с косвенными налогами от 5 до 6 рублей. Если вспомнить винную монополию, которая давала государству около 800 миллионов руб. главным образом за счет крестьянства; если прибавить к этому громадные платежи крестьян в до-революционную казну; если подсчитать суммы налогов, которые должен уплачивать французский, итальянский или германский крестьянин, — то низкая норма нынешнего обложения русской деревни делается совершенно ясной. Нигде крестьянство не платит столь ничтожных налогов, как в России!

Но эти, абсолютно малые налоги являются невыносимо тяжелыми, если сравнить их не с налогами при других хозяйственных условиях, а с доходами и заработками тех, кто должен эти налоги платить. В нищей стране могут иметь место только мизерные налоги. До войны все хозяйство России производило ценностей на 15—18 миллиардов руб. Ныне же сельское хозяйство производит не больше 50—60 % по сравнению с последними годами перед войной. Производительность промышленности равна 10—15 %. Поэтому и доход среднего крестьянина упал почти на половину; поэтому и заработок рабочего ниже 50 % до-военной русской нормы. Но чем ниже заработок каждого отдельного лица, тем меньший процент своего дохода оно может отдавать в виде налога. Крестьянину Украины или Поволжья труднее уплатить ныне 5 руб., чем 25 руб. до войны. Крестьянство всей России в настоящее время, при громадном падении цен на хлеб, живет без «излишков», и один рубль налога почти не под силу. Торговые обороты арендаторов и частных купцов в общем много ниже довоенных, ниже поэтому и суммы доходов, и обложение тяжелее.

Вместо $3\frac{1}{2}$ миллиардов до войны государственный бюджет составляет ныне немногим более одного миллиарда. Он сократился втрое. Но налоговое обложение имеет везде свои границы, и эти границы тем теснее, чем ниже уровень народного хозяйства. Центральный и местные бюджеты поглощают в советской России, т. е. отнимают у населения больше 20% всей массы производимых товаров. Неудивительно, что не удается свести концы с концами, что налоговых поступлений не хватает, и что в дополнение к непосильным налогам изо всех сил работает печатный станок.

Но коммунистическое правительство ухитряется построить свой расходный бюджет так, чтобы свести до минимума возможности действительного, большого экономическаго под'ема. Несмотря на «мирные цели», о которых не перестают твердить в последние годы все советские витии, расходы на армию составляют четверть всех расходов. Эта абсолютно непроизводительная часть бюджета поглощает громадную для России сумму в 250 милл. зол. руб. Значительное сокращение армии могло бы многое изменить; но задачи внешней политики, как их понимает коммунизм новейшей формации, стоят на пути, и поэтому приходится сокращать расходы на просвещение (45 миллионов!), на здравоохранение, приходится выпускать триллионы бумажек и обесценивать валюту во имя задач «великой державы».

Еще больший абсурд представляет экономическая политика нэпо-коммунизма, если взять ее в бюджетном освещении. Всем «экономическим ведомствам» будет ассигновано в текущем году около 700 мил. зол.

руб. А поступления от них ожидается не больше 400 миллионов. Одна национализированная промышленность поглотит около четверти миллиарда. Но так как все эти расходы не покроются поступлениями, то бюджет даст не меньше 400 мил. дефициту, который придется покрывать главным образом выпуском новых бумажных денег.

Но нищее государство не в силах оплачивать своих рабочих и служащих так, чтоб создать им сносные условия жизни и обеспечить себе нормальную производительность их труда. В государственном и хозяйственном аппарате коммунистического государства заняты миллионы рабочих и служащих. Средней месячный заработок их не достигает и 10 руб. в месяц, тем самым осуждая и государственную машину, и государственную промышленность на вечное прозябание. Под'ем промышленности требует, помимо прочего, лучшей оплаты труда рабочих. Но государству это не под силу. А расстаться хотя бы с частью своих убыточных предприятий оно решительно не желает. И ничего не остается ему, как отягощать бюджет многомиллионными субсидиями казенному хозяйству, для этого облагать население тяжелыми — в данных условиях — налогами, выпускать уйму бумажных денег, — и в то же время держать своих рабочих и служащих на грани вымирания, подавляя недовольство и стачки арестами и ссылками «подозрительных по меньшевизму» рабочих, нарушающих покой красной дирекции и Г. П. У.

С тех пор, как Ленин провозгласил «стабилизацию рубля» очередной задачей, о ней не перестает твердить коммунистическая печать. Однако, стабилизация рубля возможна ведь только в случае, если государственные расходы будут покрываться доходами, и печатание новых бумажек приостановится. Но вместо разумной экономии в области непроизводительных расходов, по военному и промышленному бюджетам, советские финансисты идут, конечно, по линии наименьшего сопротивления и создают экономию там, где она является образцом совершенно неразумной экономии. Для сокращения бумажных денег отсрочивается, напр., выдача жалованья, и задолженность государственных предприятий своим рабочим достигает воистину гомерических размеров. Жалобы на неполучение «дензнаков» несутся в Москву со всех сторон России, почти каждый раз являясь результатом большого волнения среди рабочих. О том, как работа государственных предприятий идет при таких условиях, сообщают непрерывные телеграммы газет. Донецкий бассейн, например, является сейчас «ударным районом». Но заместитель У. Г. К. П. Максимов телеграфирует 2-го марта в Москву:

«При наличии задолженности рабочим за декабрь, работы в феврале протекали при **массовых конфликтах**. В результате производительность рабочих в феврале чрезвычайно понизилась: вместо 135 пудов нормальной производительности забойщиков мы имеем 119 пуд. Если будет продолжаться денежный голод, с наступлением теплых дней начнется **массовый уход рабочих с рудников**, и тогда всякие мероприятия окажутся запоздалыми и не предотвратят катстрофы. Если снабжение дензнаками не улучшится в марте, то на рудниках останется **не больше 10 тысяч** человек забойщиков, и производительность их в лучшем случае останется на уровне февраля, т. е. валовая добыча составит 31 мил. пуд. вместо 43 милл. при наличии исправной выплаты зарплаты». («Эк. Ж.», 4 марта, 1923 г.). Нужно помнить при этом, что и 43 миллиона в месяц — это такая норма, при которой Донецкий район дает впятеро меньше того, что он мог бы давать при разумной постановке дела!

Никакое правительство не в силах было бы в России справиться с бюджетом меньше того, каким сейчас оперирует коммунистическая власть. Никто не смог бы значительно урезать нынешные налоги и брать с населения много меньше того, что оно платит сейчас. Только политическая демагогия может обещать немедленное понижение налоговой тяжести. Но демократическая власть могла-бы даже немедленно изменить к лучшему очень многое. Не дожидаясь того хозяйственного под'ема, который явился-бы несомненным результатом ее политики, она была-бы в силах немедленно пересмотреть государственные расходы, сильно урезать непроизводительную часть, освободиться от доброй доли того бремени, какое представляют собой убыточные предприятия, и, сосредоточив все свое внимание на суженной сфере государственного хозяйства, получить благодаря достигнутой экономии в свое распоряжение достаточные средства, чтобы поднять уровень жизни и производительность своих рабочих, своих железных дорог и заводов, и чтоб дать, наконец, решительный толчек вперед застрявшей в болоте российской экономике.

Покуда этого нет, ни разсуждения о стабилизации, ни наивное копирование всех тонкостей буржуазных финансовых систем не в силах облегчить налоговое бремя. И покуда этого не будет, нам придется непрерывно слышать жалобы всех классов России на гигантские и в то же время нищенские налоги.

Д. Далин.

Распад

(Окончание)

В крестьянстве и в особенности среди крестьянской молодежи еще до февраля 1917 г. были очень сильны культурные запросы, необычайно выросшие после революции. Земские и другие учреждения, созданные для удовлетворения культурных потребностей деревни и городской демократии, частью не устояли в революционном урагане, частью были насильственно ликвидированы большевиками. Все свободные организации были удушены Комсомолом, который уже в 18-м году почти не имел соперника на легальной арене и явился единственной открыто действующей организацией. Широкие слои крестьянской и мещанской молодежи, совершенно чуждые политической борьбе и социализму, хлынули в организацию, насильственно монополизировавшую юношеское движение в России. И если мещанские и буржуазные элементы городской молодежи частью заражены были энтузиазмом руководящих кадров Комсомола, то крестьянский подросток, лишенный систематических влияний союзных центров, шел в Комсомол лишь постольку, поскольку он был единственной легальной организацией, удовлетворявшей, хотя и очень скудно, его культурные запросы, его тягу к театру, развлечениям и т. п.

Крестьянская молодежь Комсомола менее всего была захвачена былым пафосом «мировой революции». И поэтому она без всякой психологической неврастении переживает полосу мертваго штиля наших дней. В значительной своей части она покидает союз и возвращается в семью, чтоб служить ей подспорьем в деле восстановления развалившегося хозяйства. Оставшиеся в Комсомоле крестьянские элементы все более перерождают его сельские организации по линии своих интересов и запросов, превращая их в чистые «культурки» и вытравляя из них всякий коммунистический дух. Не «Азбука коммунизма», а популярные брошюры Рубакина и Лункевича — вот их девиз. Но, если раньше руководящие круги большевистской молодежи об'явили этим — по существу — антикоммунистическим настроениям крестьянского подростка войну не на жизнь, а на смерть, то сегодня эти настроения настолько стихийны и сильны, что во имя сохранения Комсомола в деревне, как массовой организации, Шацкины и Цейтлины оказались перед необходимостью легализировать «культурку», капитулировать перед ней. «Беда наших ячеек не в том, что они являются «культурками», а в том, что они являются плохими культурками» (ст. Рогова, «Ю. К.», № 5). Итак, после нескольких лет упорных усилий уничтожить культур-

ку, провозглашается новый лозунг: не борьба с культуркой, а качественное ее улучшение.

Характерно, что там, где условия позволяют, крестьянская молодежь об'единяется не в комсомольские культурно-просветительные организации. На Украине, например, легально функционируют так назыв. «Просвиты» — культурнические общества с большими традициями в украинской деревне, когда завоевавшие право открытой работы даже в годы царизма. Теперь от них зачастую отдает «петлюровским душком». И мы узнаем, что «в Николаевском уезде, например, число «Просвит» за месяц увеличивается с 14 до 30-ти, а число ячеек комсомола уменьшается тоже вдвое» (ст. Владченко «Ю. К.» № 1—2).

Наряду с здоровым и четким процессом обособления крестьянских элементов Комсомола, все более резко дают о себе знать и другие тенденции в нем. «Спорт, который у нас прозябал на задворках, «скаутинг», с которым мы были на ножах, — все они в полной аммуниции, чуть-чуть подстриженные под комсомольскую скобку, становятся неот'емлемой частью нашей повседневной работы. Вместе с новыми отраслями работы к нам приходят и новые люди... Физическое воспитание приводит людей мускулистых и мужественных, но все эти люди в подавляющем большинстве вовсе чуждые рабочему классу. Поскольку работа, которую мы вверяем им, начинает занимать все больше и больше места в нашей системе, эти чужие люди приобретают все большее влияние на массы пролетарской молодежи» (ст. Мунин, «Ю. К.», — 6—7). И когда комсомольская пресса пестрит этими перлами о мускулистых спортсменах и коммимажинистах, об эротиках и пичшеанцах, — то за всей этой бравурной шумихой слышится внутренний процесс психологического оформления буржуазной молодежи. Аполитичность со всеми производными нюансами настроений прочно овладела современной буржуазной молодежью и свила себе крепкое гнездышко в студенчестве сегодняшнего дня. Но, когда эти же ядовитые грибки появляются во всех щелях и углах Комсомола, то не ясно ли, что мы имеем дело с той же упадочной психологией других элементов буржуазно-интеллигентской молодежи, в свое время связавшихся с утопическими иллюзиями пролетарского юношества, а теперь свернувших на родные им пути послереволюционного декадентства.

В связи с этим показателен для характеристики современных настроений в Комсомоле и тот факт (официально установленный на Украине), что широкие слои украинской крестьянской молодежи заражены средневековой романтикой хмельничины и т. п. национальными пережитками.

Как же чувствует себя в этом «окружении» рабочая молодежь Комсомола? Прежде всего и она компактными группами покидает союз. «Мы растеряли много рабочих подростков и рабочих-юношей, неудовлетворенных союзом... Войдя в 18-19 годах в союз, они думали многое получить там, часть их выработалась и осталась в союзе, а часть еще продержалась в годы гражданской войны, когда союз жил энтузиазмом «последнего решительного боя», и теперь ушла от нас» (ст. Тараханова, «Ю. К.», — 6—7). А оставшиеся чувствуют себя затерявшимися островками в волнах враждебной стихии и придумывают смехотворные способы, чтобы устоять подобно гранитной скале. «В маленькой Маринской области, где всего двести человек рабочей молодежи (из них только четверть в союзе), открыли, что пролетарское ядро — просто на просто особая организация внутри РКСМ, открыли — и давай комплектовать «ядро» по назначению Коминтерна» (ст. Мунин, «Ю. К.», — 10—12). В Минске комсомольные ячейки вообразили себя архипелагом островов, окруженных враждебной стихией... В своей газете отдел союзной жизни переименовали в «Наши сигналы» и сигнализируют буквально так: «Гу-гу-гу, островок профтехнической школы обувников насчитывает столько то жителей. Телеграфная связь с другими островками налажена.... Корреспонденты из рабочих ячеек переименованы в сигналистов» (ст. Мунин, «Ю. К.», № 10—12). А вот некий Рудаков предлагает «всем членам РКСМ организоваться в коммуны. Это и только это (разбивка Рудакова) может быть предпосылкой к серьезному коммунистическому воспитанию молодежи» (ст. Тарханова, «Ю. К.», № 6—7). Психологически эти стремления рабочей молодежи отгородиться высокой стеной, отмежеваться от своих соседей вполне понятны и законны. И в этом их роковой для Комсомола смысл. Как ни смехотворна эта монастырская идеология, все же необходимость звать не на улицы и площади, а за высокую стену коммун — более, чем символистична. Это — импульсивная реакция наиболее здоровых пролетарских элементов Комсомола на давящее со всех сторон мещанско-буржуазное окружение.

Что было силой Комсомола, стало его слабостью, которая сегодня его подтачивает, а завтра его сломит. Те сотни тысяч, которые он так гордо афишировал перед лицом молодого пролетариата Западной Европы, оказались мертвым грузом разнородных и противоречивых элементов. Если в период, когда классовые противоречия были затушеваны гражданской войной и экономической политикой «военного коммунизма», Комсомол — плохо-ли, хорошо-ли — выполнял свою ком. партией указанную функцию, то тем ярче, тем отчетливее выразилось его бессилие, его полная оторванность от идеологии и психологии пролетариата, лишь только нэп развернул и обнажил социальные антагонизмы. В обстановке политической свободы открылись бы прямые и ясные пути для ликвидации этого незаконного сожительства разнороднейших социальных элементов подрастающего поколения в одной организации. Но режим нэпо-коммунистической диктатуры закрывает все возможности здорового и радикального преодоления кризиса коммунистической молодежи, загоняя все противоречия внутрь. И теперь Комсомол напоминает поле брани после тяжелого боя, когда в одну кучу свалены убитые и раненые, агонизирующие и легко контуженные. Больные заражают здоровых, трупное гниение захватывает живых...

Сегодня Комсомол — это лишь искусственно поддерживаемая режимом абсолютистской диктатуры историческая инерция, тормозящая здоровый и целительный процесс классового расслоения и политического самоопределения русской молодежи и порождающая в ней внутреннюю болезнь политической апатии и психологической деморализации. Один комсомолец рисует современное «состояние умов» в Комсомоле под следующими заголовками: «Кто в лес, кто по дрова» (ст. Мунин, «Ю. К.», № 10—12), «Пресняк с клюквой» (ст. Тарханова, «Ю. К.», № 6—7). Большей яркости и выразительности нельзя требовать.

И только презрительную улыбку может вызвать у каждого марксиста, способного видеть то, что есть, программа действия, начертанная лидером Комсомола Шацкиным: «РКСМ приходится сейчас воевать за молодежь, бороться за нее, с танцулькой, денационализированным кино, похождениями Шерлока Холмса и другой бульварной литературой, легальным кафе-шантаном, растущим, как лавина, пьянством, деревенскими посиделками, стариком крестьянином, которому нужен сын для хозяйства при расширении последнего, а не для Комсомола, с меньшевистскими, христианскими, частно-спортивными и другими организациями молодежи и т. п. («Ю. К.», № 5). Мы можем смело пожелать Шацкиным успеха в этой борьбе. Чем энергичнее они ее поведут, тем скорее будет ликвидирована стоящая на пути создания независимого движения рабочей молодежи историческая пеленица комсомольского «Мюр и Мерилиз'а».

В порядок дня поставлен вопрос о создании свободной независимой организации рабочей молодежи, вне которой юные пролетарии России не смогут ни защитить себя в суровой классовой борьбе сегодняшнего и завтрашнего дня, ни подготовиться к великим боям за социализм. Ликвидация Комсомола в его теперешнем виде есть первый шаг на этом пути.

Э. Милич.

Три дома.

На Петровке, в Рахмановском переулке есть большой каменный дом. В нем некогда помещалась ссудо-сберег. касса, и носил туда трудовой народ свои гроши «на книжку». Ныне у народа лишних грошей нет, и дом на Рахмановском пер. передан другому учреждению. О нем не печатается никаких анонсов, но все его знают. Оно никого к себе не зазывает, а народ валом валит. Открывается это учреждение в 8 утра, когда большой хвост очередей уже тянется по переулку, а закрывается оно в 10—11 вечера. Это — биржа труда! Разнообразна его клиентура: опорки и изящные ботики, серые шинели и котиковое манто, серо-землистые лица с ввалившимися щеками и давно не бритой растительностью и гладкие, свежие физиономии с пенсне на носу и румянцем во всю щеку. Тысячи самых разнообразных «клиентов» простаивают в очередях по 3, 4 и даже 7 дней. Уже знают друг друга. Стоят сутками. Не стоят: одни затем, чтобы не попасть в «буржуи» и не подвергаться излишним налогам; другие, чтобы получить 2 ф. селедки в месяц «соц. обеспечения», а третьи, чтобы получить работу. . . . если сам найдешь себе место.

Если-бы кому нибудь «сталось от слова», то от тех невероятных проклятий, которые сыпятся в Рахмановском пер. ежедневно на голову большевиков — их давно постигли бы все казни египетские.

Скромно и тихо стоят лишь сытые бобровые шали и котиковые манто. Что делать, знаете? Когда-то ведь еще хуже было. А теперь, слава Богу, жить можно. Можно! Но опорки и шинели, валенки и подвязанные веревками калоши — сколько проклятий извергает этот неисчерпаемый кладезь ненависти и негодования!

От 8 утра до 10-11 вечера живет своей особой жизнью Рахмановский пер., гдѣ высится «Биржа Труда» — биржа безработицы и нищеты.

Десятки тысяч безработных, а вокруг туча нищих, завывающих самыми ужасными, охрипшими от холода голосами, хватающих прохожих за платье, дети бегут за прохожими целыми улицами и тянутся ручками, страшные отрепья, посинелые, грязные лица, уродство, калеки и нищета, нищета, нищета...

* * *

Если подняться по Петровке же вверх, выйти на Тверскую и добраться до Зона, то мы подойдем к другому учреждению. Недалеко, рукой подать, каких-нибудь 100 саж. от Рахмановскаго пер., там тоже многолюдно, но очередей нет и «работает» оно как раз в часы бездействия Биржи Труда: оно открывается в 10 ч. веч. и открыто до 8 утра. Здесь казино. «Золотой стол», на который пригоршнями сыплются десятирублевки, железка, рулетка, тут же оголенные женщины, продающие цветы, буфет, учет векселей и чеков, меняльная касса, шампанское и ликеры, туча шулеров и... отдельные кабинеты для выигравших счастливцев.

...Сверкает Зон огнями, манит нэпманов, обещает все радости жизни: «жизнью пользуйся, живущий!»...

Пять Зонов таких в Москве — целых пять! И даже Смоленский базар обзавелся своим «казино». Все они отданы на откуп двум гражданам на основе хозяйств. расчета, и Моск. Совет «Рабочих Депутатов» получает с этих притонов — 7 триллионов в месяц!...

* * *

Сто сажений отделяет Рахмановский переулок от Зона.

Но гораздо меньше отделяет нынешний Гум (б. Верхние Торг. Ряды) от той мемориальной доски, которую некогда, 5 лет назад, прибил Ленин к Кремлевской стене. Лучезарного ангела изображает эта доска и в лучах восходящаго солнца он трубными звуками возвещает миру о победе пролетариата, о светлом царстве свободы и труда.

Прошло 5 лет со времени «красного октября», и б-ки поставили рядом с мемориальной доской памятник. Мускулистого рабочего с молотом в руках изображает он. Он творит новую жизнь. Напряженное лицо, пожалуй, усталое, но еще полное сил. Грозна фигура рабочего на памятнике, но, в 30 шагах от нее, тут же в Гуме, обернувшись к ней спиной, толпы нэпманов радостно и победно выкликают: «Беру, даю золото!» «Доллары делаю!» «Кому латвийские?» Молодым ельником разубран и разукрашен Гум. Сотни людей возбужденно и радостно «делают» золото и доллары, а пролетарское государство... пролетарское государство взимает за вход в это святилище по 20 и 40 миллионов, и, для поднятия духа, отряжает сюда — военный оркестр. Гремит музыка, звенит золото, шелестят бумажки. «Даю, беру!»...

Три дома. Три символа. Три устоя нэпо-коммунистического строя.

С. Двинов.

Орехово - Зуевщина.

Один за другим вскрываются зловонные гнойники, покрывающие хозяйство России. Время от времени, когда уже не только Москва, но и вся страна говорит о «порядках» в том или ином хозоргане, начинаются ревизии, следствия и устраиваются «показательные» процессы. На этих процессах с большей или меньшей полнотой раскрываются картины хозяйничанья диктаторов «именем пролетариата». Перед россиянами, потерявшими уже способность удивляться, демонстрируется благоухающий букет продажности, взяточничества, воровства, провокации, самодурства, травли, личной склоки, грубаго невежества и т. д.

Вслед за нашумевшим, два раза слушавшимся, процессом «славных» цинделевцев Фирсова, Володина, Левина и др., показавшим, до какого падения доходят развращенные «диктатурой над пролетариатом» коммунистические заправилы, идет процесс деятелей одного из богатейших трестов — Орехово-Зуевского. На скамье подсудимых сидело 27 человек, среди которых: служащие треста, члены правления его, контрагенты и поставщики. Возглавляется скамья подсудимых коммунистами: председателем треста Серебряковым, членом правления Богатовым и др. Теплая компания, хозяйничавшая в тресте и возле треста больше года. Процесс, длившийся больше недели, раскрыл небольшую часть злоупотреблений, творившихся в тресте, и оставил за своими пределами многих хищников. Но и тех данных, которые были в распоряжении суда, оказалось достаточно, чтобы перед лицом страны и всего мира предстала яркая картина ограбления государства. Хищения, взяточничество, стачка с частными лицами в целях продажи товара (перед повышениями!) по дешевым ценам, подлоги в документах и книгах, полнейшая бесхозяйственность в целом — вот что открылось на суде. Государство понесло огромный убыток от треста, который работал сравнительно — в смысле производительности — успешнее других. Суд исчислил убыток государства в сумме около полутора миллионов рублей золотом, не считая безнадежной задолженности некоторых контрагентов треста (одного казненного поставщика Уэльса — до четырех триллионов в октябре). Но эти цифры далеко не точны, убытки много значительнее. Следует отметить, что в этот счет не вошли убытки самих «хозяев» — рабочих. Их удел за год царствования в тресте коалиции из коммунистов и капиталистических хищников был — нищенская, голодная заработная плата, выплачивавшаяся к тому же с опозданиями в полтора-два месяца. Но этот «убыток» был забыт на суде, о нем не говорили.

Процессу предшествовала, и во все время хода его ему сопутствовала широкая и шумная кампания в советской печати. Но и она, как и суд, обрушилась на лиц, а не на систему. Делу был придан исключительный интерес и процесс должен был иметь, по мысли властей, воспитательный характер. Слушался процесс в Орехово-Зуеве, в огромном театре, в присутствии рабочих. К подсудимым была «по аналогии» применена статья, карающая за контр-революционный заговор... на экономическом фронте, — натяжка, которая нужна была для вынесения смертных приговоров. Закончилось дело тринадцатью смертными приговорами, из которых два приведены в исполнение (заведующий товарным отделом Симонов и поставщик Уэльс).

Корреспондент «Правды», описывая процесс, рассказал, что он подметил в публике, среди рабочих сочувственное отношение к председателю треста Серебрякову: «такой молодой и способный и запутался, бедняжка». Сотруднику «Правды», по долгу службы, конечно, надо было поддерживать такую версию. Он мог это сделать тем увереннее, что сам Серебряков на процессе ловко разыграл невинного агнца, которого злые дяди-спецы, вместо того, чтобы учить его, ребеночка, торговать, как предписал папа-Ленин, — одурачили и за его спиной проделывали всякие делишки. Но всякий, живший на фабриках Орехово-Зуева и видевший, что делалось там, примет эти россказни за веселую шутку.

«Украшавший» процесс М. И. Серебряков далеко не такой простачок и безвольный ребенок, каким его стараются представить друзья по партии.

Серебряков — яркая и колоритная фигура. Председатель треста, товарищ председателя уисполкома, член коллегии (или-уполномоченный) МЧК по уезду — Серебряков формально и фактически осуществлял всю и во всех областях власть в Орехово-Зуеве и его уезде. Бывший рабочий, действительно способный и неглупый малый, — он в иных общественно-политических условиях несомненно дал бы образец развитого и энергичного общественного работника. Но «диктатура» развратила этого рабочего до мозга костей. Триединая власть, которая ему вручена была партией, и которой он долго безгранично и бесконтрольно пользовался, создала из него маленького царька, деспота, самодура, в арсенале коего в обращении с людьми были только грубость, наглость, заносчивость, крепкое словцо. В «своей» компании в кругу собутыльников он был веселым и добродушным малым. Но чтобы возражать Серебрякову в делах, нужно было обладать большой гражданской смелостью, и таких «героев» было, конечно, мало. Дурное настроение «Прохоровича», часто бывшее у него после ночных попоек, вызывало страх и трепет у его подданных.

Серебряков — с головы до пят чекист. Психология чекиста пропитала его насквозь. Он брал под подозрение всех без исключения. Для трестовских воров и взяточников это было не страшно. Лицемерием и лестью, поддакиванием и прислужничеством они умели втереться в доверие и тем обеспечивали себе «тыл» (Симонов, Африканов и многие другие). Но немногочисленные честные и добросовестные работники, не умевшие пресмыкаться, задыхались в этой атмосфере (член правления Дара, инженер Барто). Как чекист, Серебряков верил во всемогущество провокации и широко ввел

ее в систему своей деятельности. О некоторых фактах из провокаторской деятельности Серебрякова мы и хотим здесь поведать.

Еще задолго до НЭПа, когда торговля была занятием нелегальным, Серебряков, нуждаясь в электрических лампочках для пуска фабрики, стал искать частного продавца, хорошо зная, что в то время лампочки могли быть у частных лиц только краденые. Найдя частного продавца, он заключает с ним сделку и покупает у него лампочки. Когда поставка была выполнена, и довольный поставщик явился за расчетом, Серебряков не только не уплатил ему следуемое, но тут же предал неосторожного купца в руки чеки, где последний получил возмездие — расстрел. Фамилия этого неудачливого купца имеется в архивах о.-з.-кой ЧК.

Весной 21 года фабрики треста испытывали жестокую нужду в хлебе. У наркомпрода и других органов Серебряков ничего достать не может. И он снова обращается к излюбленному методу. Через какого-то посредника ему удается завязать сношения с шайкой железнодорожных грабителей, у которых он покупает десять вагонов хлеба. Серебряков отлично знает, с кем имеет дело, но не смущается даже тем, что неуловимая шайка занимается грабежом не какого-нибудь хлеба, а помгольского. Четыре вагона хлеба Серебряковым благополучно принимаются. На пятом вагоне он предает шайку в руки ЧК и... торжествует новую победу. Но, — увы — времена изменились, Серебряков за это дело садится на скамью подсудимых рядом со своими контрагентами-грабителями. Судьба начинает поворачиваться к нему спиною, но... не совсем. Дело не получает огласки (рыцари из «Правды» и «Известий» — стыдливо молчали), дело путешествует из МЧК в суд и обратно к доследованию. На суде Серебряков ссылается на МЧК, с которой он «согласовывал» свои действия, т. е. свою провокацию, председатель МЧК Медведь отрицает этот факт, бессовестно предавая своего сотрудника, и дело оканчивается не то двумя, не то годом тюрьмы, которых Серебряков, однако, каким-то чудом избегает.

Третье «славное» дело Серебрякова. Голодная заработная плата на фабриках треста толкнула массу рабочих на отчаянную меру для спасения себя и своих голодающих семей. Массовые кражи товаров, особенно наиболее дорогих и занимающих мало места ниток, стали бытовым явлением на фабриках. Серебряковым принимались самые жестокие меры к прекращению краж. Тщательнейшие обыски с раздеванием до-нага производились в отношении всех входивших на фабрики и выходивших из нея, и в первую очередь в отношении работниц. Но и это не дало желаемых результатов. Тогда Серебряков, посоветовавшись с другими коммунистами из ЧК, Уисполкома и ком'ячейки, подговаривает одну из работниц (тоже коммунистку) втереться в доверие работниц, разузнать, каким образом они прячут краденое, и предать их властям. План удается. В результате производятся многочисленные аресты и увольнение нескольких сот (говорят до пятисот) несчастных жертв «социалистического» метода управления фабриками. И это дело, как из ряда вон выходящее, стало предметом расследования, но... не вышло из застенков ЧК.

Когда уже пошла в тресте ревизия за ревизией и становилось ясно, что дело может окончиться плохо для Серебрякова и К-о, делаются с благословения Серебрякова все попытки, чтобы запутать и сбить с толку ревизоров. Но ревизия идет своим путем, нащупывая постепенно все «художества» деятелей треста. Тогда Серебряков, верный себе, пускается на последнее отчаянное средство. Он подговаривает кой-кого из многочисленных контрагентов треста... дать взятку ревизору. Все отказываются, кроме Уэльса (ныне казненного), и 500 миллионов рублей дается одному из ревизоров. Последний, однако, перехитрил: деньги взял, а ревизию довел до конца.

Таков Серебряков на самом деле, в неприкрашенном виде. Тесные столбцы рабочей печати не дают возможности рассказать многочисленные факты разгула, пьянства, чудачеств, «порчи» девиц и пр., проделывавшихся Серебряковым и компанией и хорошо известных орехово-зуевским рабочим.

Благодарное население Орехово-Зуева, в лице Уисполкома и ком'ячейки, увековечило имя Серебрякова, назвав его именем новый мост через реку Клязьму. А «пролетарское» правосудие должно помиловать этого промахнувшегося диктатора «именем пролетариата», а «Правда» должна признать его «самым красным» директором РСФСР. Иначе приговор останется лицемерным свидетельством того, как коммунисты гонят самого последовательного проводника своей диктатуры.

Наблюдатель.

На пути к массовой работе.

Истекшие месяцы были чрезвычайно тяжелыми для жизни нашего партийного организма. Происходило приспособление к «новым» условиям, созданным неслыханным террором, шла перестройка рядов и сплочение их в новых организационных формах. Эта лихорадочная работа теперь отчасти уже позади. С новых организационных позиций (эти позиции — глубокое подполье) партийные силы стремятся разрешать очередные вопросы политики и работы социал-демократии. Партия — на перевале. Но на переломе и рабочий класс. Партийная мысль нервно работает над новыми проблемами. Среди них первое место занимает проблема охвата партией текущей борьбы рабочего класса, проблема руководства его повседневной жизнью. Как перекинуть мост из подполья к массовой жизни? — Как в момент, когда уничтожены последние легальные возможности, когда партия целиком выброшена из открытой политической жизни, как в этих условиях соц.-дем. ядру связаться и быть связанным с массой постоянными нитями действенного контакта? —

Чрезвычайно важно иметь реальное представление о материале окружающей жизни, с которым приходится оперировать партии на 6-м году революции. Без преувеличения можно сказать, что в истории российского рабочего движения не было столь тяжелого во всех отношениях момента, как переживаемый. Вот несколько выдержек из интересного письма, полученного от одного нашего товарища, принимающего живое участие в партийной работе в одном из крупных пролетарских центров.

«Мы не можем часто даже охватить всей величины этого террора, этой задавленности, в которой находятся сейчас рабочие. Если «свободы труда» не существовало и до революции, то сейчас ее в тысячу раз меньше. Рабочий счастлив, что он на предприятии, что он получает хоть какую нибудь заработную плату. Ведь еще только в 21-м году он переживал все прелести голода, когда люди буквально умирали на улицах, когда приходилось оставаться буквально голыми для того, чтобы хоть немного поддержать себя физически. Ведь еще всего только несколько месяцев тому назад стали более или менее регулярно выплачивать заработную плату. Нужно держаться за предприятие хотя бы до того момента, пока хоть немножко оправишься от кошмарного года. Это в предприятиях преимущественно легкой индустрии, лучше оплачиваемых. А в крупной промышленности и по сей день нищенские ставки. И кто может — удирает, меняет работу, начинает торговать. Нам казалось, что этот процесс остановился, — оказывается, еще нет. Он смягчается лишь тем, что стараются иногда переходить в предприятия легкой промышленности. Вот на почве этой материальной прикрепленности и создается своего рода «послушание», — скорей «безмолвие» пролетариата. Заводский же режим стал неслыханно жесток и придирчив. Старые рабочие некоторых предприятий не припомнят, чтобы когда-либо были такие строгости, как теперь: обыщики, наблюдатели и пр. — все это вошло в систему... Сокращаются штаты до минимума и вместе с тем беспрерывные, сверхурочные работы; это относится в равной мере к рабочим и к служащим. Работают иногда (в связи со с'ездами и т. д.) сутки с перерывом на 2—3 ч. 9—10 час. — это самое обыкновенное явление. Часто создается видимость, что этого хотят сами рабочие. Заработная плата низка и нужно хоть как-нибудь подработать, — вот и выезжают на сверхурочных. У кого нет этой возможности — работают ночами дома и т. д. Я сам наблюдал случаи полного изнурения на этой почве. Введенный последний месяц «товарный» рубль кой в чем должен был улучшить положение, но уже бьют отбой и он безусловно в ближайшее время будет отменен: «Производство не выдержит». Одинокие или с небольшими семьями живут еще сносно (там преимущественно, где есть два работника), остальным скверно. Но к этому прибавляется еще небывалая моральная подавленность. «Красные директора» орудуют, не церемонясь. Один из них дошел до угрозы ввода вооруженного отряда для подавления волнения, бывшего на предприятии. Особенно психологически тяжело положение бе-

лее развитых рабочих на предприятии. За ними усиленная слежка. К таким принадлежат те, кто когда-либо принимал участие в движении, а теперь не находится в рядах Р. К. П. — К ним обычно рабочие пред'являют максимум требований. От них ждут ответа. А вопросов много. Каждодневно читают газету (ту, что подешевле). Многое непонятно. Чувствуют, что ложь, неправда. И сознательный должен об'яснить. А как это сделать, когда не уверен в рядом с собой стоящем человеке: «Донесет». «Сознательного» всюду выбирают, сколько бы он ни отказывался. А когда отказаться уже нельзя, то боишься, как бы ни сказать чего лишнего или даже просто слишком складно, ибо этого одного достаточно, чтобы быть взятым «на заметку», а тогда пропал. А если тебя знают, как за партийного, тогда совсем скверно. Он вынужден, как зачумленный, сторониться всех, ибо каждый разговор с таким человеком бросает на подошедшего тень. Он тогда уже заподозрен. Это заставляет некоторых, хоть временно, уходить из своего цеха. В связи со всем этим масса насыщена недовольством. И если в царские времена нужно было возбуждать недовольство, то сейчас его даже слишком много. Но организованно этого недовольства проявить нельзя, — расчитают. А потому — молчат. И только удивляться можно, как это у некоторых хватает иногда смелости сказать, что-нибудь крикнуть. А стоит только пошевелиться, как уже предупреждают, что «шептуны на заметке».

Картина достаточно определенная. А как протекает экономическая борьба рабочих, — когда их терпение лопается? Наш корреспондент рассказывает:

«На одном из здешних предприятий была недавно забастовка. Возникла она по поводу какого-то небольшого экономического вопроса. С его разрешением тянули несколько месяцев. Наконец стихийно началась итальянская забастовка. Самое интересное это то, что бастовала не вся фабрика сразу, а по цехам. Остановит работы один цех, коммунисты начинают суетиться, прислушиваться к разговорам, следить, цех возобновляет работы. Останавливается другой и снова повторяется та же история. И так около 2-х часов, пока угрозами репрессий всем вместе и каждому в отдельности («шептунам») не удастся сорвать забастовку, окончившуюся почти безрезультатно.

«Целый ряд об'ективных условий мешает сейчас успеху экономической борьбы. Если в былое время в экономической борьбе, при любой забастовке победа оставалась за тем, кто может дальше продержаться, то сейчас при любой почти забастовке вопрос может быть перенесен в плоскость политическую. Забастовка — акт контр-революционный. Не дожидаясь, изымают тех, кто побойчей, остальные боятся той же участи и судьба забастовки предрешена. Но важно не только это. Царящая безработица, особенно в отраслях промышленности, не требующих особой квалификации, дает возможность заводоуправлениям без особого опасения рассчитывать рабочих, заполняя недостающие штаты безработными. А к тому ведь организовано провести забастовку редко когда сможет одно предприятие (не характерна ли в этом отношении вышеупомянутая забастовка?). Ведь нет же профсоюзов. И еще тысяча крупных и мелких причин, не дающих возможности развернуться этой борьбе.

«Долго ли продолжится этот период? — Во всяком случае дольше, чем некоторые из нас предполагали. Ведь крупная промышленность по существу не сдвинулась с мертвой точки. Крупные предприятия здесь дышат на ладан. Некоторые смелые начинания, которые все же иногда имеют место, мало меняют общий фон, хотя их все же не следует преуменьшать».

...Но, как бы ни были тяжелы все описанные моменты экономического упадка и политического разгрома, стихийная потребность пролетариата в самозащите с ростом классовых антагонизмов все более утверждается и развивается в нашей действительности.

Но эта стихийная тяжкая, такая изуродованная борьба влечет за собою появление **новых настроений**. Они появляются среди пустыни разочарования и апатии. Автор письма упоминает о том, что «наших знают, помнят». «От нас ждут ответов на мучительные вопросы, выхода из тяжелого положения». «Жаждут слышать соц.-демократов». И происходит несомненное приближение к социал-демократии классово-сознательных элементов пролетариата. Происходит, хотя и исподволь, изменение самочувствия известных слоев рабочей массы...

Партия должна поставить себе задачу создать в глубине пролетарской жизни, на ее низах, свои опорные пункты, которые начнут скромную, но важную работу обслуживания отдельных моментов экономической борьбы и быта рабочих. От случая к случаю, от вопроса к вопросу они будут закреплять нити своего посильного руководства, не стремясь превратиться в какой-то особый «профсоюз» или создать об'единение, параллельное существующим профсоюзам. Эти ячейки будут работать и внутри союза, и вне его, всегда в тесной связи с конкретными нуждами массы, стремясь выразить и защитить эти нужды в частичных определенных требованиях. Не опираться на стихийную импульсивность движения, а вносить в него максимальную организованность и сознательность — такова их задача.

Все это требует больших усилий наших партийных организаций, огромной работы завязывания и закрепления связей, неустанного преодоления всех препон, которые ставит террористическая обстановка. Но это — реальное и необходимое дело. К нему подошла наша партийная мысль.

Вл. Кин.

Социально-политическое обозрение.

Стачечное движение

Большая советская пресса не любит сообщать о стачках. Если вы читаете «Правду» или тем более «Эконом. Жизнь», месяцы могут пройти и вы не узнаете ни об одной стачке. Но в профессиональной печати совершенно игнорировать стачки невозможно. Правда, сведения о них крайне неполны. Даже во внутренней работе союзов, в отношениях между местными и центральными союзными органами «замечается **тенденция скрыть самый факт стачки**, а чаще— склонность не считать забастовками кратковременные вспышки, длящиеся не свыше суток, что по указанию некоторых союзов не учитывается, в виду незначительности подобного рода происшествий»*). Тем сильнее тенденция замалчивать стачки в печати. И все же сообщения о них прорываются все чаще. Стачка вновь становится **бытовым явлением** в жизни русских рабочих.

Автор цитированной выше статьи о забастовочном движении в первой половине 1922 года отмечает чрезвычайную кратковременность стачек. По имевшимся в его распоряжения данным о 110 стачках (главн. обр. по центральному промышленному району и по петроградской губ.) потеряно в среднем человекодней на 1 участника стачки в первой половине 1922 г. лишь 2,1 против 5,6 в 1895—1916 годах. Стачечное движение «**носит скорее форму протеста, нежели серьезной и упорной борьбы**, протеста во многих случаях направленного к тому, чтобы **вызвать большую активность хозяйственных органов в деле изыскания средств на погашение задолженности** и поднятие уровня оплаты труда» (стр. 72). Но уже в том же обзоре, упомянута 1 забастовка, продолжавшаяся более 20 дней.

В последние месяцы стачечная борьба принимает, повидимому, более упорные формы. Так в Пирятине (полтавской губ.) «12 дней продолжалась стачка рабочих частных мельниц: все требования рабочих удовлетворены» («Труд» от 23-го сентября); в Одессе по данным, с мая по сентябрь включительно, из 8 забастовок, о которых сообщает одесский Г. С. П. С. 2 продолжались по 15 дней («Тр.» от 28-го ноября). По данным союза пищевиков, опубликованным в «Труде» от 19-го декабря, за последние 6 месяцев среди пищевиков имело место 20 стачек со средней продолжительностью 5,2 дня, в том числе 1 стачка продолжалась 20 дней. В Астрахани бондари, работающие в предприятиях Областрыбы, бастовали (требуя уплаты им заработка) с 17-го ноября по 13-ое декабря, т. е. 26 дней («Тр.» от 24-го декабря).

*) С. **Иозефович** «Забастовочное движение в первой половине 1922 года». Материалы по статистике труда (изд. В. Ц. С. П. С.), вып. 14. стр. 68.

Главным требованием, выдвигаемым во время стачек, по прежнему является требование уплаты заработка. «В последних числах сентября вспыхнула частичная забастовка в кузнечном цехе Лысьвенского завода (пермск. губ.) в связи с невыплатой рабочим заработной платы за август» («Тр.» от 20-го октября). В начале октября «самовольно (!) оставили работу и пред'явили требование об уплате зарплаты за август» рабочие ремонта судов в Николаеве («Тр.» от 12-го октября). На копях Кизел-Кия (в Туркестане) происходила 3-х-дневная забастовка на почве неуплаты заработка более, чем за четыре месяца («Тр.» от 7-го декабря). «Труд» отмечает далее забастовки на почве задолженности по заработной плате на заводе «Полар» в Татреспублике («Тр.» от 8-го декабря), в механическом цехе Кольчугинского завода («Тр.» от 12-го декабря), на военно-срочных работах об'единенной артели «Труд» и «Лесстроймост» («Тр.» от 14-го декабря), упомянутую уже выше забастовку бондарей Областрыбы, забастовку на почве многомесячной задолженности промысловых рабочих Областрыбы («Тр.» от 27-го декабря), ряд случаев «приостановления работ» в Донбассе («Тр.» от 18-го января), забастовку служащих Арской (в Татреспублике) заготовительной конторы («Тр.» от 14-го января), 4-дневную забастовку на Чудовском (Новогор. губ.) цементном заводе («Тр.» от 27-го января).

Только в последнем случае (завод сдан в аренду) *забастовка происходила с санкции союза.* Кроме того за последние месяцы «Труд» отметил *один* случай, когда союз подготовлял забастовку на почве задолженности: Бугульминское отделение Всемедикосантруда запросило Татотдел союза о разрешении начать забастовку из-за невыплаты жалованья: вопрос был улажен без забастовки («Тр.» от 8-го декабря). Во всех остальных случаях рабочие бастовали «стихийно» или «самовольно», т. е. без санкции союза. Союз обыкновенно вмешивался лишь после об'явления забастовки, с одной стороны, пытаясь убедить рабочих возобновить работу, с другой, путем обращения в разные хозяйственные и правительственные органы пытаясь добиться скорейшей уплаты рабочим их заработка. Во время забастовок на Лысьвенском заводе, в Николаеве и на заводе «Полар» соответственные союзные органы, повидимому, в первую очередь пытались осуществить вторую задачу. Гораздо хуже было поведение союзных органов в ряде других случаев.

Получив сообщение о забастовке служащих Арской заготовительной конторы, Ц. К. союза совработников обратился в НКПрод с требованием погашения задолженности по Арской конторе и одновременно «срочно предписал Казанскому губотделу: 1) *немедленно овладеть забастовкой в целях ее ликвидации*, 2) *поставить на обсуждение горконференции вопрос о нарушении коллективом Арской заг. конторы профдисциплины*, выразившемся в самовольном об'явлении забастовки и 3) немедленно привлечь администрацию соответствующих профорганов к судебной ответственности за задержку выплаты жалованья». Задолженность еще не погашена, а Ц. К. уже предписывает губотделу *сорвать забастовку* (см. п. 1) и грозит репрессиями бастующим (см. п. 2).

Рабочие механического цеха Кольчугинского завода, забастовавшие (из-за невыплаты им заработка!) «несмотря на то, что райком забастовку не санкционировал», постановлением райкома были исключены — в количестве 200 человек — из союза; вопрос перешел в Ц. К. союза металлистов, который признал «принципиально правильным» постановление кольчугинского райкома, но, «принимая во внимание» и т. д., счел возможным восстановить исключенных в правах членов союза и вместе с тем обратил внимание кольчугинских рабочих, что «в случае повторных неорганизованных выступлений союз будет вынужден удалить из своих рядов дезорганизаторов».

Но все эти факты бледнеют перед подлинным головотяпством астраханского губпрофсовета во время забастовки на промыслах Областрыбы. 19-го ноября в 12 ч. дня Г. С. П. С. издает «*приказ* председателям промкомов», в котором последним предписывается «*под страхом суровой ответственности собрать рабочих немедленно и к 3 часам дня сегодня приступить к работе*». «Предлагаю вам», читаем мы далее в этом замечательном документе, «об'явить всем рабочим, что все меры к удовлетворению интересов рабочих губпрофсоветом совместно с союзом пищевиков принимаются и *все рабочие будут удовлетворены полностью при первой же возможности*. *Не подчинившиеся настоящему приказу поставят себя вне защиты их интересов со стороны профессиональных организаций*. *Не подчинившихся предлагается взять на учет и об исполнении настоящего приказа завтра, 20 сего ноября, донести губпрофсовету*». — «Характерно еще и то», замечает корреспондент «Труда», «что на этом документе помимо подписи председателя Г. С. П. С. красуется подпись и лица, воз*главляющего областрыбу*, но подписи губотдела пищевиков нет». Дальше, кажется, уже некуда итти: председатель губпрофсовета и лицо, стоящее во главе предприятия, за общей подписью издают *приказ* о немедленном прекращении забастовки под угрозой союзных прав и таинственного «взятия на учет».

На ряду с требованием погашения задолженности по заработной плате все чаще начинают попадать в печать сообщения о забастовках с требованием заключения коллективного договора. На основании скудных газетых данных в большинстве случаев трудно, правда, выяснить, возникает ли конфликт на почве отказа госоргана или частного предпринимателя от заключения коллективного договора вообще или на почве разногласий о содержании коллективного договора. Первое, может быть, имело место в Севастополе, где союз печатников должен был пригрозить забастовкой в типографии глав. комитета порта, требуя заключения коллективного договора («Тр.» от 17-го ноября). В других случаях забастовки, о которых мы читаем, как о возникающих на почве требования заключения коллективного договора, в большинстве случаев, по существу, являются забастовками из-за улучшения условий труда, в подавляющем большинстве случаев из-за разногласий по вопросу о размерах заработной платы. Их можно поэтому об'единить в одну группу с прочими забастовками из-за условий труда.

Среди этих забастовок в частных предприятиях уже нередки случаи проведения их под руководством союза. Так, союз грозит забастовкой на харьковском частном заводе «Металлист», требуя повышения заработной платы («Тр.» от 12-го окт.), об'являет забастовку на чугунно-механическом заводе Симановского в Перми, требуя подписания коллективного договора, против которого Симановский возражает, считая ставки слишком высокими («Тр.» от 3-го декабря); союз же руководит забастовкой в сапожной мастерской Аникина в Екатеринбурге («Тр.» от 12-го декабря и от 4-го января) и забастовкой служащих частных гостиниц в Бежецке («Тр.» от 5-го января) — в обоих случаях требуя подписания коллективного договора, — далее забастовкой в пошивочных мастерских Е. П. О. в Оренбурге требуя повышения заработной платы и пересмотра коллективного договора («Тр.» от 11-го января). Несколько буффонский характер приобрела организованная союзом забастовка служащих (глав. обр. сторожей) Трубного рынка в Москве, в которой в сущности мы имеем дело с внесоюзным воздействием на торговцев, облеченным в форму забастовки: забастовка, во время которой одним из требований было возмещение союзу всех расходов по ведению забастовки и штрейкбрехеры снимались с работы при содействии милиции, закончилась шумной победой союза («Тр.» от 28—30-го декабря).

Это все случаи руководства забастовками со стороны союзов, о которых мы нашли сообщение в «Труде» за последние четыре месяца (нам не хватает, правда, нескольких — очень немногих — номеров «Труда»). В большинстве случаев стачечная борьба, особенно на государственных предприятиях, проходит еще мимо союзов. Бывают, особенно в мелких частных предприятиях, случаи, что рабочие, забастовав, обращаются к союзу за помощью и союз пытается уладить дело в интересах рабочих и «производства». Но и тут его стремление к «социальному миру» нередко губит дело и больно бьет по рабочим. В мастерской валяной обуви Кузьмичевых в Подольск. у. Московск. губ. рабочим стало не в моготу выносить жестокую эксплоатацию (14-тичасовой рабочий день, жалкая и произвольная плата и т. д.) и они об'явили стачку, обратившись в то же время к профсоюзу с просьбой «принять их в свои члены и защитить от эксплоататоров». «Профсоюз вмешался и снова рабочие стали на работу, но Кузьмичевы, без ведома союза взяли у них подписку, что они не будут требовать оплаты пропущенных за время стачки дней и будут работать на старых условиях» («Тр.» от 12-го и 30-го декабря). Правда, союз об'являет подписку недействительной и привлекает Кузьмичевых к суду, но положение рабочих остается тяжелым и оно может быть, было бы много лучше, если бы союз не стремился прежде всего добиться возобновления работ.

То же повторилось во время забастовки на работах об'единенной артели «Труд» и «Лесстроймост». Забастовка возникла «неорганизованно», на почве задолженности по зар. плате. «*Принятыми союзом энергичными мерами забастовка* 18-го октября (т. е. через 2 дня) *была ликвидирована* на условиях, поставленных профсоюзом»: уплата задолженности через 4 и через 12 дней, регулярная выпечка хлеба и отпуск его рабочим в кредит и пр. «*Ни одно из этих условий выполнено не было*», и дело пошло по инстанциям, забастовка же пока оказалась сорванной и

рабочие все ждут, когда они, наконец, получат свою плату («Тр.» от 14-го декабря).

Бывают — особенно в глуши — еще худшие случаи: рабочие, чувствуя свое бессилие, не имея возможности опереться на союз, доведенные нуждой и голодом до отчаяния, прибегают к методам борьбы, или, вернее, совершают акты отчаяния, отбрасывающие нас на полвека назад. «Труду» от 19-го января сообщают из северо-вятского райкома металлистов:

«На Кирсанском заводе были бурные выступления рабочих против администрации, выбивались камнями окна из квартир и т. д. Фабзавком здесь был арестован за анархические проявления», как об'ясняет райком (очевидно, органы власти произвели арест с согласия райкома! — С. Ш.). На Песковском заводе пьяные рабочие — члены союза — разгромили кассу народного дома... Не лучше положение и на других заводах. Непосредственная причина царящего среди рабочих темного озлобления — голодная зарплата».

О забастовках, возникающих без участия союза, профессиональная печать осведомляет нас особенно скупо, нередко сопровождая известия об этих выступлениях рабочих бранью по отношению к забастовщикам, а то и сообщениями о скорпионах, которым они подверглись со стороны союзов.

Так серпуховский «Набат» в статье «Долой дезорганизацию» резко нападает на рабочих механического цеха текстильной фабрики, «самовольно» прекративших работу и выдвинувших «необоснованные требования», и «Труд» солидаризуется с серпуховской газетой («Тр.» от 12-го декабря) Щелковский корреспондент «Труда» прямо с бешенством обрушивается на участников «организованной» стачки на советской шахте в Щелковском районе Подмосковного бассейна: «самозванный стачечный комитет», «профессиональные дезорганизаторы и шкурники», «подрывная группа», «подстрекатели» — в таком чисто-полицейском духе написана вся корреспонденция («Тр.» от 28-го декабря). В других случаях однако дело не ограничивается бранью. Выше мы упомянули об отмененном впоследствии исключении из союза металлистов 200 бастовавших рабочих Кольчугинского завода. Это не единственный случай в союзной практике. «Труд» от 4-го января сообщает об исключении из союза химиков 40 рабочих-точильщиков Дулевского фарфорового завода, «самовольно» об'явивших забастовку с требованием улучшения жилищных условий; союз постановил не только исключить их из числа своих членов, но и «не допускать их на работу на заводе». «Металлист» от 20-го ноября сообщает об исключении из союза 7 рабочих Н. Выксунского завода, «отказавшихся от работы сокращенным штатом, благодаря чему произошла остановка мартеновской печи». Ц. К. металлистов рассылает циркуляр всем своим райкомам, согласно которому «подлежат исключению из союза... лица, спровоцировавшие рабочих на стачку в то время, как союз не допускал этой стачки, и тем повлекшие ущерб в работе предприятия» («Металлист» от 8-го декабря).

В этих попытках союзной бюрократии мерами суровой союзной репрессии бороться с растущим в массе стремлением к коллективному и активному отстаиванию своих интересов ясно сказывается, насколько далеки наши союзы от того, чтобы действительно быть руководителями рабочих в их борьбе против эксплоатации. Союзы, которые чутко относятся к требованиям рабочих, которые являются органами рабочих масс в их борьбе за улучшение их положения, не нуждаются в таких приемах по отношению к рабочей стихии. Забастовочная борьба проходит тогда под руководством союзов. В тех же редких случаях, когда стихия забастовочного движения перекатывается за рамки союза, последний, если он связан с массой, быстро находит общий язык с ней.

Для нас все это еще музыка будущего. Русским рабочим нужно будет положить еще много усилий для восстановления классового характера и классовой независимости русских проф. союзов.

С. Шварц.

По России.

Петроград. Гороховая, 2. (Вместо венка к 5-ти летнему юбилею).

Одиночка на Гороховой—деревянный гроб в 3 арш. длины и 1½ арш. ширины. Мебель жесткая, деревянная койка во всю длину камеры и небольшая доска, прикрепленная к стене, исполняющая обязанности стола. Ни луча дневного света. Круглые сутки горит, не погасая, угольная электрическая лампочка, от которой болят глаза. Вентиляции никакой, воздух тяжелый. Иначе и не может быть: там, где во времена самодержавия было всего четыре одиночки (для городовых, отбывавших административное наказание), сейчас их 13, с нагрузкой в 24 человека. Прогулок нет. Чтение воспрещено. Неуклонно уничтожается даже газетная бумага, в которую завернуты передаваемые заключенным продукты. Карандаши и писчая бумага — запретный плод. Ни писать родным на волю, ни получать от них писем не разрешают...

Обычный прием — подсаживание по соседству с заключенным чекиста для выпытывания всего, что удастся...

Есть на Гороховой еще и дополнительные удовольствия: это во-первых, отказ в регистрации. Применяется, когда человек арестован на улице. Его не регистрируют несколько дней, в то время, когда родные тщетно ищут пропавшего по всему городу, среди живых и мертвых. Гороховая на все запросы отвечает: «такого нет». Второй номер — пробка: тесная, холодная одиночка, наглухо закупориваемая, с двойными стенками, обложенными пробкой. Отсюда никуда не доносится ни звука. Сажают сюда обыкновенно на 5—10 дней, но нередко держат и по месяцу. Номер третий — запрещение передач. Мера самая обычная в практике Гороховой. Это при голодном пайке в 1 фун. хлеба и две тарелки тощего супа.

Неудивительно, что при таком режиме нередки случаи самоубийства и сумасшествия. Тем более, что кто только не попадает теперь на Гороховую! За ноябрь-декабрь покончили с собой двое заключенных: один бросился из окна 4 этажа, другой отравился головками серных спичек. Один сошел с ума после семидневной голодовки. Среди арестованных большой процент сотрудников ГПУ. Так, во втором корпусе одиночек он равняется 30% всех заключенных. Совсем недавно сидел следователь по меньшевистским делам Байков и др. Как себя держат следователи при допросах? — Крик, ругань, угрозы револьвером — дело обычное. Не менее обычны предложения о немедленном освобождении при условии поступления на службу в ГПУ.

(«Рабочий Листок» — орган Петр. К. Р. С. Д. Р. П. № 1 (7).)

Петроград: Репрессии.

Продолжают сидеть арестованные в ноябре за расклейку с.-д. прокламаций студенты.

Арестованный в ноябре рабочий-металлист т. Н. И. Шпаковский (с.-д.), выслан на 2 года в Великий Устюг.

В начале января уехали в ссылку рабочие Сестрорецкого завода А. А. Александров, Н. В. Венедиктов, В. Н. Ахропотков и рабочий Трубочного завода Белов.

Выпущенный из тюрьмы проф. Н. А. Рожков высылается в Псков.

Арестованный В. А. Десницкий, бывший редактор «Новой Жизни», по последним сведениям, высылается на 2 года в Вятскую губернию.

* * *

Петроград. Заявление левых с.-р. ревтрибуналу.

Левые соц.-рев. (интернационалисты) Н. Береснев, Д. Сапер, А. Соколова и Груздева-Литвинова, привлеченные к суду Петрогубтрибунала, подали заявление об отказе присутствовать на суде. В нем между прочим они пишут: «...В бессильной злобе РКП примазывает нас к уголовному процессу, от начала до конца сфабрикованному чекистами-провокаторами. Кто свидетели? Фиктивные бумажки, сфабрикованные в Чека, доносы тайных и явных чекистов-провокаторов, и уголовные, купленные чекистами посулами свободы и комиссарских постов, вместо тюрьмы или стенки. Это не ново. На такие попытки шло самодержавие в момент разгула реакции. И РКП, духовное детище самодержавия, копирует абсолютизм в самом мерзком и бесчестном виде. Среди всей массы мерзостей, которые прошли перед нами, считаем своим долгом отметить следующие факты, вскрывающие истинную физиономию РКП. и ее диктатуры: 1) Следствие по обвинению нас, левых с.-р., в контр-революции, а также социалистов других партий и анархистов ведется царским судебным приставом Орвизом. Им же стряпается обвинительный акт, примазывающий нас к уголовному процессу, 2) применение в коммунистических тюрьмах кандалов для социалистов (Борданов, Стельмаков, рабочие трубочного завода и др.), 3) истязание комиссаром ПЧК. Комовичем и К-о нашего товарища Михаила Николаева: били по половым органам, давили глаза ладонями, били рукоятками револьверов по рукам; после этого содержали его в «пробке», 4) Пытка желтым домом: ревтрибунал вопреки постановлению врачей отправляет т. Литвинову-Груздеву, раб. Трубочн. зав., к «Николаю Чудотворцу» и несмотря на повторные требования врачей взять ее оттуда, т. к. пребывание там грозит сумасшествием, держат все же в этой больнице целый месяц, 5) введение в

последнее время «больницы Гаазе» для голодающих социалистов, т. е. отправка голодающих в больницу для заразных, где их раздевают, держат в холодном помещении и применяют искусственное питание».

Москва. Репрессии.

В Вятскую губернию сослан т. Березин, просидевший несколько мес. в тюрьме.

Москва. Новые аресты.

Арестованы: И. Рубин, Беловский, Люся Коган.

Москва. К положению арестованных с.-р-ов.

В настоящее время в одиночных корпусах Бутырок находятся следующие с. р.: Цейтлин, Гельфгот, Шестаков, Мерхалев, Яковлев, Иваницкий, Николаев, Филипповский, Былина, Смирнов, Николаевский, Тавровский и 6 женщин: Ланде, Свирская, Полетика, Глебова, Бауэр и еще одна. Все они уже сидят годы, некоторые более трех лет, без пред'явления обвинения. Большая часть из них пережила знаменитое прошлогоднее избиение в Ярославской тюрьме, далеко оставившее за собою все то, что было до сих пор в советских тюрьмах. Потом, придравшись к выраженной ими солидарности с членами Ц. К. по знаменитому процессу в июне 22 г., их за это предали суду и уже вручили всем обвинительный акт, при чем «суд» должен быть «упрощенный», т. е. без свидетелей, без обвинения и без защиты: к чему все это и впрямь, раз «приговор» уже заранее написан в политбюро ЦКРКП.

Архангельск. Концлагерь. — Охрана труда.

24 декабря из Москвы привезены и отправлены в Пертаминский конц. лагерь (между Арх. и Онегой) следующие с.-ры и анархисты: с.-ры Иванов Б. С., Кочаровский Г. Т., Маурин Н. П., Рюмин А. П., Вольский В. К. (народ.), Ланде М. С., Тучарин (народ.), Крюков, Шик, Загорский, Гарелин, Штерн С. П., Пераньян, Вольков, Голодесков. Анархисты: Цуккерман М., Лютова Ек., Вегер Тамара с 5 лет. ребенком. Кроме того 3 беспартийных, фамилии которых пока неизвестны.

Несколько времени тому назад, говорят, в Холмогорском лагере произошло избиение анархистов. По этому был разговор с здешним прокурором, он послал чиновника для расследования и затем говорил, что все дело раздуто. Большего узнать не удалось.

Приводим любопытный документ, характеризующий меры и способы борьбы со взяточничеством.

«Уважаемые товарищи. С возрождением частного капитала и вытекающим отсюда стремлением наживы за счет трудящихся, работа органов охраны труда приобретает в рабочем государстве исключительное значение; вся тяжесть работы по борьбе с эксплоатацией трудящихся ложится на инспекторов труда, которые благодаря крайне скудной оплате их труда терпят острую нужду, что не может не отразиться на их работе.

Последнее обстоятельство заставляет Губохрантруд обратиться к некоторым хозорганам с просьбой об оказании материальной поддержки инспекторам труда.

В виду изложенного просьба отпускать в распоряжение Губохрантруда ежемесячно определенное количество продуктов на льготных условиях для распределения их между инспекторами труда.

О последнем просьба уведомить.

ПП. Зав. Губоттрудом Дранщиков.
Зав. Губохрантрудом Д. Шнеер
Секретарь Д. Туницкий».

№ 3522.

Эта слезница рассылалась в гос. хозорганы и даже частным промыш. и торговым предпринимателям. Итак, охрана труда будет существовать подачками эксплоататоров. Красивая картина!

Нижний-Новгород. Провокация? Шантаж?

7-го февраля с. г. в Нижний прибыл из Москвы бывший эсер Коротков с охранной грамотой Дзержинского и Бухарина. По приезде в Нижний, он сделал визиты всем властям, до ГПУ включительно... В последнем ему дали адреса бывших с.-р. сормовичей. Прибыв на завод в сопровождении представителя Губкома, гр. Ляпина, он проследовал в кабинет помощника директора Чугурина, который отвел ему свободную комнату, — и к нему в кабинет стали вызываться по телефону бывшие с.-р. по одному. Приходившие к нему с.-р. опознали в нем одного из крупных в прошлом деятелей партии с.-р.

Коротков рассказал, что он по Уфимскому фронту был приговорен коммунистами к расстрелу, но бежал за-границу. Оттуда, благодаря связям с Дзержинским, он приехал в Россию и живет под его охраной. О цели своего приезда Коротков сообщил, что в Москве организовалась группа инициативная в 10 человек, которая задалась целью созвать всероссийский с'езд старых с.-р., бывших в партии до 1917 года. Надобность в этом с'езде вызывалась необходимостью сплочения революционных сил для борьбы с развитием мирового фашизма, бороться с которым РКП благодаря своему развалу не в состоянии. «Как вы на это смотрите?», задавал он вопрос вызванным к нему рабочим. Вопрос был так неожидан, что они не могли ответить ему чем-либо определенным, но все-таки заявили, что для этого нужно вызвать всех эмигрантов, дать свободу слова, печати и неприкосновенность личности. — «Вам на счет свободы сомневаться нечего — сказал им на это Коротков, можете публично собираться, свободно обсуждать и подготовляться к с'езду, т. к. я, Коротков, об этом договорился со всеми местными властями. Чт же касается вызова эмигрантов и их неприкосновенности, то об этом переговорю с Дзержинским и Бухариным»... Ему указано было на факт увольнения с завода около 12 человек беспартийных только за то, что они критиковали деятельность завкома. На это гр. Коротков, помямлив, заявил, что это мелочь, на которую не стоит обращать серьезного внимания, что им-те, с.-р., беспокоиться нечего: «ни один волос не упадет с вашей головы».

После заводского митинга гр. Коротков в сопровождении ад'ютанта ходил к некоторым бывшим с.-р. на квартиры. Разговор был о том же с'езде. По словам Короткова с'езд назначен на 15-ое марта, до с'езда РКП, т. к. этот последний должен утвердить постановления с.-р.-ого с'езда. На интеллигенцию обращать особого внимания не следует, т. к. рабочие с.-р. с'езд могут собрать и сами. Гр. Коротков на общезаводском митинге (около 1000 человек) каялся в своем политическом заблуждении и, для большего впечатления и достоверности своей бывшей принадлежности к партии с.-р., показывал фотографическую карточку, где он снят с Брешко-Брешковской и Минором. В усугубление своей преступности перед РКП, он сообщил слушателям, что он на Уфимском фронте убил своего родного брата-коммуниста, за что и был приговорен к расстрелу, после чего и бежал за-границу. Рабочие на заводе недоумевают, что это за шантаж с типичными провокационными методами?

Ташкент. Не оставляют в покое...

Почти всех живших в Ташкенте ссыльных разослали по другим городам. Некоторых предварительно подвергали аресту. Нужда среди ссыльных очень большая.

Назад из ссылки.

К началу января и февраля кончился годовой срок ссылки для многих товарищей, высланных в первых партиях с.-д-ов в Вятку, Вологду и т. д. Местные власти пытались задержать товарищей на местах поселения. По распоряжению из центра им, однако, в конце концов было предоставлено право свободного выезда.

Драма в ссылке.

В далекой глуши, в Семипалатинске, разыгралась очень тяжелая история, взволновавшая всю ссыльно-политическую колонию. Некоторое время тому назад сюда прибыл из Петрограда бывший председатель Петроградской городской Думы Исаев (с.-д.). Сам он в настоящее время типичный ренегат и по глупости «начальства» был ни за что, ни про что выслан в Семипалатинск. Приехав сюда, он начал с очень откровенного заигрывания с власть имущими и, таинственным образом преодолев все ограничения, попал в кооперацию, где занял очень видный пост. Затем поселился на одной квартире с секретарем Горсовета, и пошла дружба. Кончилось гадостью...

В середине декабря сюда докатилась волна разгрома старой церкви. Все это до крайности возбудило местное население. Представители живой церкви организовали собрание. Губисполком взял на себя руководство и председательствование предложил «ссыльному» Исаеву. Исаев соглашается без лишних слов, оправдывая свой поступок тем, что это, мол, ...техническое руководство собранием.

Наши товарищи указали Исаеву, что, 1) пока он является членом социалистической колонии, факт даже «технического» руководства собранием по назначению властей недопустим и, 2) что при существующей системе подавления свободного слова, он явится простым орудием К. П. и будет вынужден проводить собрание в духе обычных советских председателей. Для социалиста это позорно, это роняет честь той партии, к которой его еще так недавно причисляло общественное мнение. Изложив эти соображения, наши товарищи просили Исаева отказаться от председательствования, или заявить перед собранием о своем выходе из состава социалистической колонии.